

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

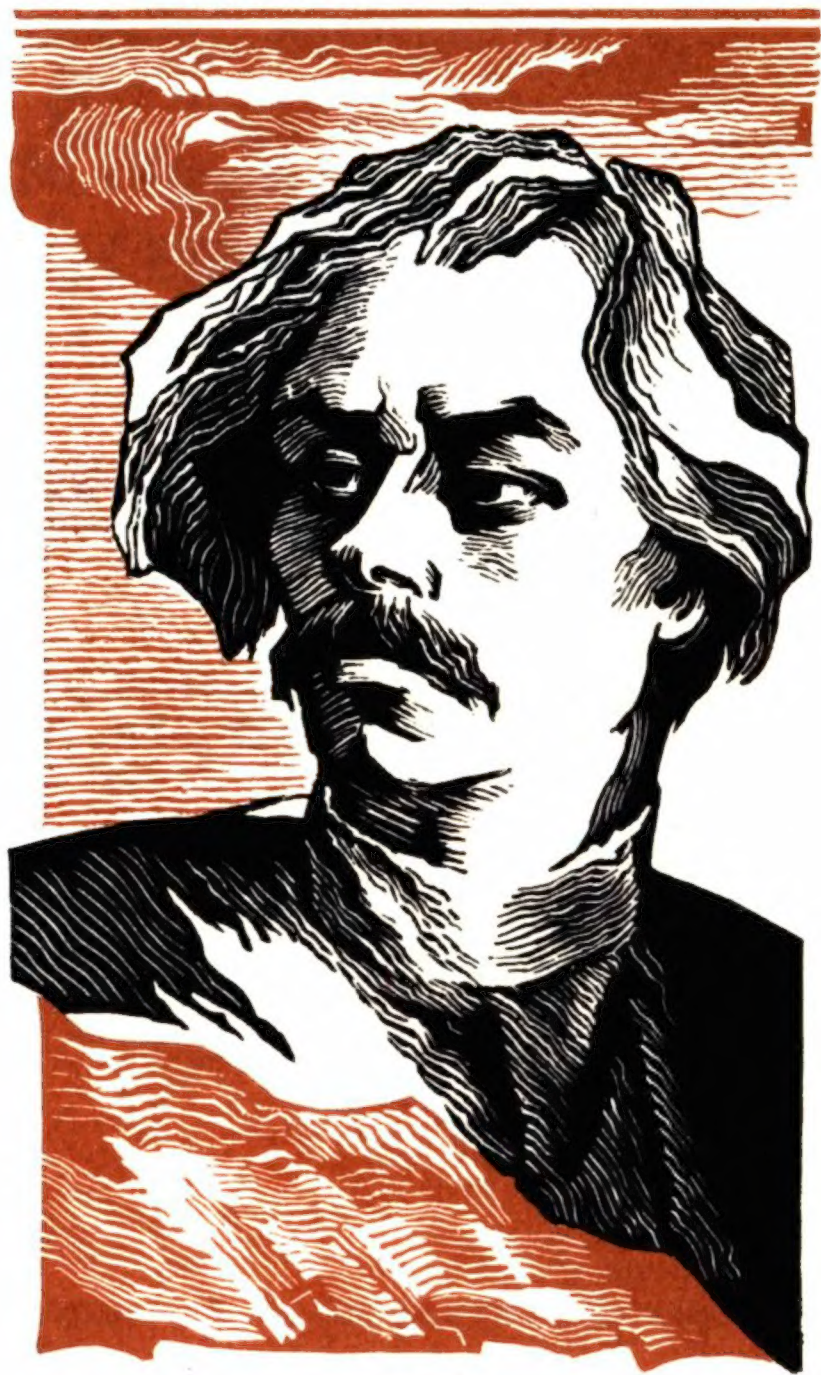

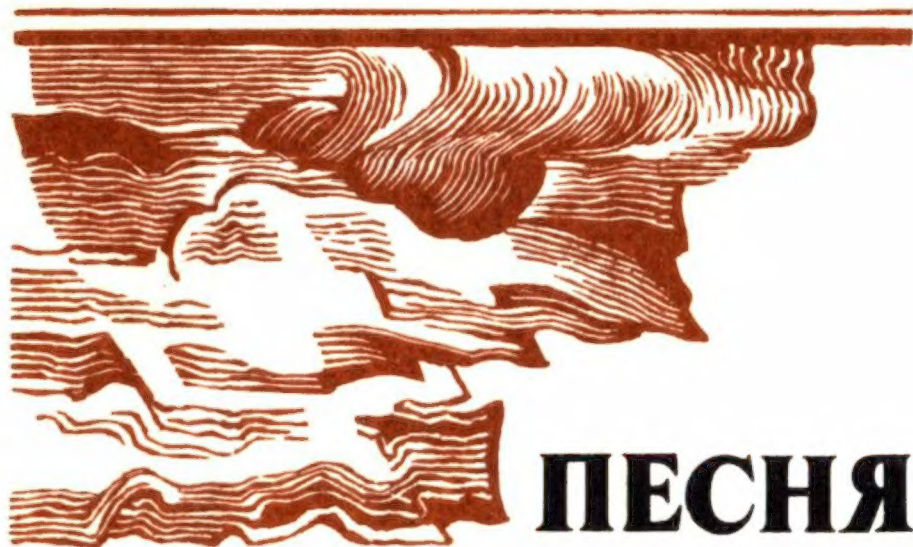

М. Горький

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИНИКЕ

Морской

ПЕСНЯ

М. Горький

ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ

Фантазия

О БУРЕВЕСТНИКЕ

Н.С.Травушкин

**«ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ»,
ЕЕ ПАФОС, ЕЕ МИР**

Художник О.Коняшин

Горький · Волго-Вятское книжное издательство
1987

84P7-4

П28

Рецензент
доктор филолог. наук
В. И. Баранов

П28 **Песня о Буревестнике.— Горький:**
Волго-Вятское кн. изд-во, 1987.— 191 с.:
ил.

1 р. 70 к.

Издание сувенирное. В нем приводятся фантазия М. Горького «Весенние мелодии», «Песня о Буревестнике» и историко-литературный очерк доктора филологических наук, профессора Н. С. Травушкина «Песня о Буревестнике», ее пафос, ее мир».

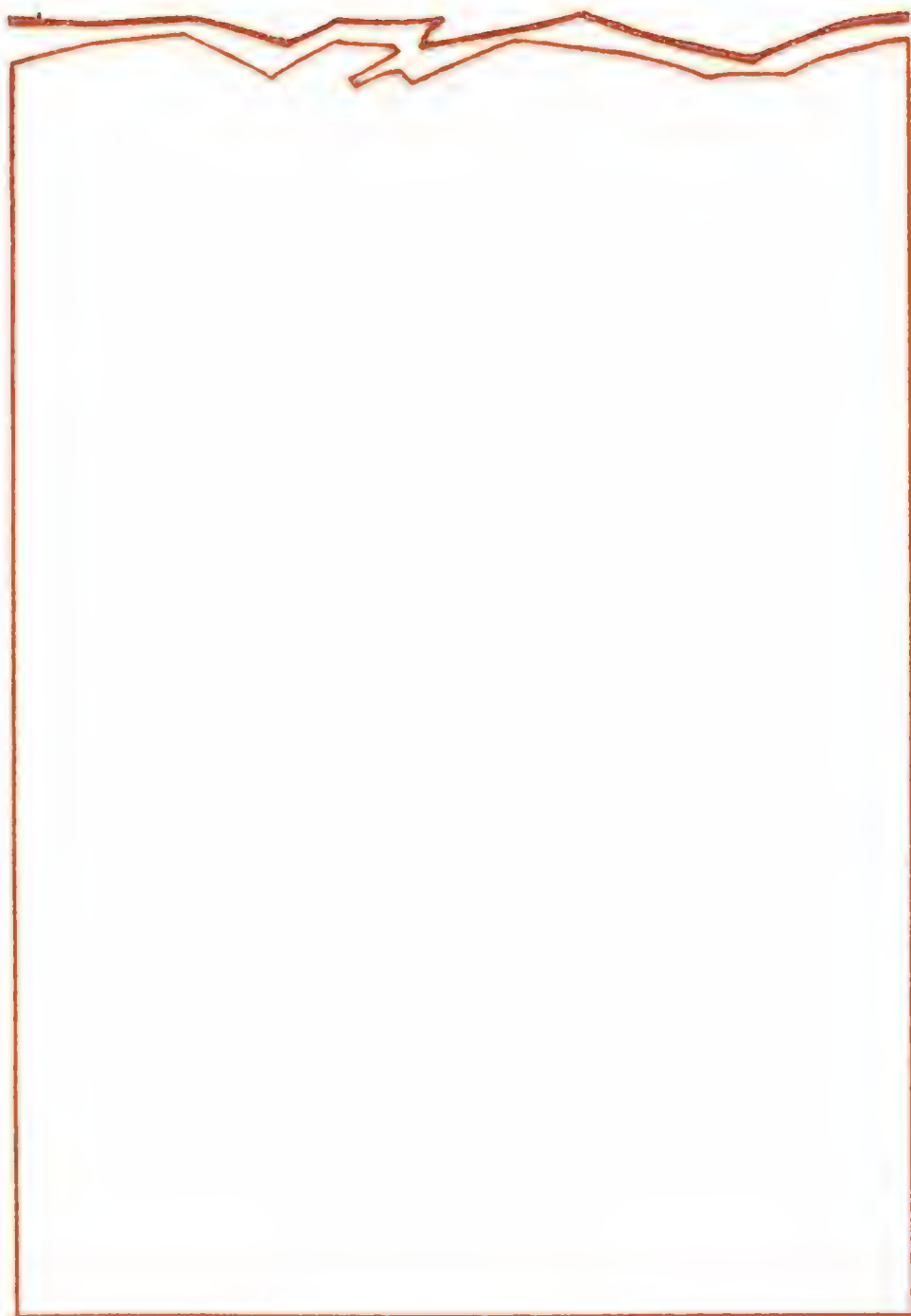
Для широкого круга читателей.

П 4702010200-042 41-86
М 140(03)-87

84P7- 4

© Волго-Вятское книжное издательство.
1987

М. Горький
ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ
Фантазия

В саду, за окном моей комнаты, по голым ветвям акации прыгают воробьи и оживленно разговаривают, а на коньке крыши соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых птичек, важно покачивает головой. Теплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук,— я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чем воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льется музыка весны.

— Чик-чирик! — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам.— Вот и снова мы дождались весны... не правда ли? Чирик-чирик!

— Фа-акт, фа-акт! — важно вытягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, как в утвердительном смысле. Будучи от природы глупой, она еще и пуганая, как большин-

ство ворон. Но она занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь «благотворительное» для бедных галок и старых голубей.

Я знаю воробья, хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, а в сущности это — птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две-три пикантных истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку:

— Я умр-ру, умр-ру от разочарованья, если ты не поделишь со мною любовь мою.

— А знаете, сударыня, чижики прилетели! — сообщает воробей.

— Фа-акт! — отвечает ворона.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут. Ужасно беспокойные птицы! И синицы явились с ними... как всегда... хе-хе-хе! Вчера, знаете, я спросил, в шутку, одного из них: «Что, голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью... В этих птицах совершенно нет уважения к чину, званию и общественному положению собеседника... Я, надворный воробей...

Но тут из-за трубы на крыше неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал:

— Внимательно по долгу службы прислушиваясь к разговорам тварей, населяющих воздух, воду и недра земли, неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики щебечут о весне и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы.

— Чик-чирик! — воскликнул воробей, беспокойно оглядываясь на доносителя. А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была не однажды, — сказал старый воробей. — А насчет обновления всей природы — это... конечно, приятно... если происходит с разрешения тех сил, коим сие надлежит ведать...

— Фа-акт! — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон, — означенные чижики выражают недовольство по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, якобы — мутны, некоторые из них дерзают даже мечтать о свободе...

— Ах, это они всегда так! — воскликнул старый воробей.— Это от молодости у них, это ничуть не опасно! Я тоже был молод и тоже мечтал о... о ней...

— О — ком?

— О ко...ко-ко-кон

— Конституции?

— Только мечтал! Только мечтал-с! Разумеется — скромно мечтал... Но потом — это прошло, явилась другая «она», более реальная... хе-хе-хе! и, знаете, пожалуй, более приятная, более необходимая воробью... хе-хе...

— Э-гм! — раздалось внушительное кряхтенье. На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заскрипел:

— Э, н-не за-амечаете ли вы, господа, что в воздухе пахнет чем-то, э...

— Весенний воздух, ваше-ство,— сказал воробей. А ворона томно склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы:

— Факк!

— Н-да... Вчера за винтом то же самое говорил мне один потомственный почетный филин... «Чем-то, говорит, э, пахнет...»

А я ответил: «Заметим, понюхаем,— разберем!» Резонно, а?

— Так точно, ваше-ство! Вполне резонно! — почтительно согласился старый воробей.— Всегда, ваше-ство, надо подождать... Солидная птица всегда ждет...

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормotal:

— И заря улыбкой нежной гасит в небе ночи звезды, ночь бледнеет, ночь трепещет, и — как лед на солнце — тает тьмы ночной покров тяжелый. Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды, встречу солнцу, встречу утру, встречу света и свободы!

— Эт-то что за птица? — спросил снегирь, прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство! — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство! — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и проскрипел:

— Мм... какой серый... прохвост! Он что-то там насчет солнца, свободы прошелся, кажется? а?

— Так точно, ваше-ство! — подтвердил

ворон.— Занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов,— ваше-ство!

— Предосудительно и... глупо!

— Совершенно справедливо, ваше-ство,— отозвался старый воробей,— глупо-с! Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределенное и, так сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, кажется, вы сами к ней... взывали?

— Фа-акт! — вдруг крикнула ворона. Воробей несколько смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал... но при смягчающих вину обстоятельствах...

— А... то есть как?

— После обеда, ваше-ство! Под влиянием... то есть под давлением винных паров... И с ограничением воззвал, ваше-ство!

— То есть как?

— Тихо сказал: «Да здравствует свобода» и тотчас же громко добавил: «в пределах законности».

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство,— ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи старым воро-

бьем, не могу себе позволить серьезного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значится в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить.

— Факт! — снова каркнула ворона.

Ей ведь все равно, что ни подтверждать.

А по улице текли ручьи и пели тихую песнь о реке, куда они волеются в конце пути в своем близком будущем:

— Широкие, быстрые волны нас примут, обнимут и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падем прохладной росой в ночи, снежинками или обильным дождем.

Солнце, великолепное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкой бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы сидит стайка чижигов, и один из них вдохновенно поет товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике.

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой
взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слы-
шат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гне-
ва, пламя страсти и уверенность в победе
слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, ме-
чутся над морем и на дно его готовы спря-
тать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, не-
доступно наслаждение битвой жизни: гром
ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жир-
ное в утесах... Только гордый Буревестник
реет смело и свободно над седым от пены
морем.

Все мрачней и ниже тучи опускаются
над морем, и поют, и рвутся волны к высоте
навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут
волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер
стаи волн объятьем крепким и бросает их
с размаху в дикой злобе на утесы, разби-
вая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной мол-
нии подобный, как стрела пронзает тучи,
пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,— гордый,
черный демон бури,— и смеется, и рыдает...
Он над тучами смеется, он от радости ры-
дает!

В гневе грома,— чуткий демон,— он дав-
но усталость слышит, он уверен, что не
скроют тучи солнца,— нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над
бездной моря. Море ловит стрелы молний
и в своей пучине гасит. Точно огненные
змеи, выются в море, исчезая, отраженья
этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

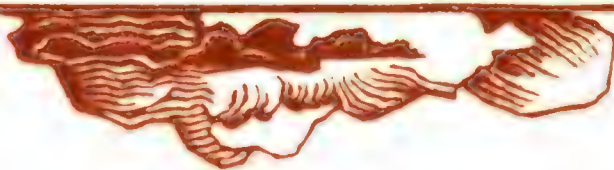
Это смелый Буревестник гордо реет
между молний над ревушим гневно морем;
то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

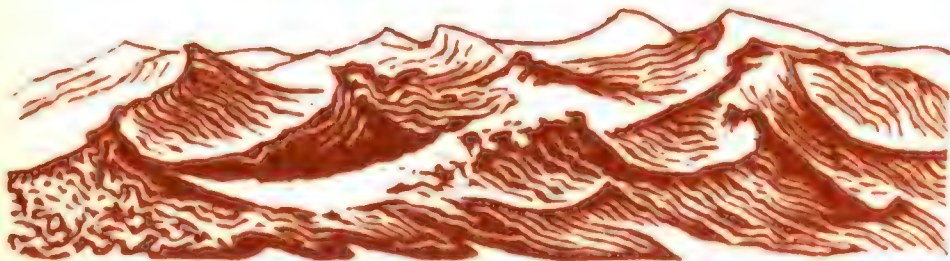

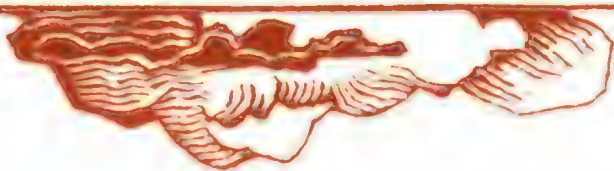

М. Горький
ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Гордо реет Буревестник,
Черной молнии подобный.
То крылом волны касаясь,
То стрелой взмывая к тучам,
Он кричит, и — тучи слышат
Радость в смелом крике птицы.
В этом крике — жажда бури!
Силу гнева, пламя страсти
И уверенность в победе
Слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,—
Стонут, мечутся над морем
И на дно его готовы
Спрятать ужас свой пред бурей.

**И гагары тоже стонут,—
Им, гагарам, недоступно
Наслажденье битвой жизни:
Гром ударов их пугает.
Глупый пингвин робко прячет
Тело жирное в утесах...
Только гордый Буревестник
Реет смело и свободно
Над седым от пены морем!**

Всё мрачней и ниже тучи
Опускаются над морем,
И поют, и рвутся волны
К высоте навстречу грому.
Гром грохочет. В пене гнева
Стонут волны, с ветром споря.
Вот охватывает ветер
Стаи волн объятьем крепким

И бросает их с размаху
В дикой злобе на утесы,
Разбивая в пыль и брызги
Изумрудные громады.
Буревестник с криком реет,
Черной молнии подобный,
Как стрела пронзает тучи,
Пену волн крылом срывает.
Вот он носится, как демон,—
Гордый, черный демон бури,—
И смеется, и рыдает...
Он над тучами смеется,
Он от радости рыдает!
В гневе грома,— чуткий демон,—
Он давно усталость слышит,
Он уверен, что не скроют
Тучи солнца,— нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...
Синим пламенем пылают
Стаи туч над бездной моря.
Море ловит стрелы молний
И в своей пучине гасит.
Точно огненные змеи,
Вьются в море, исчезая,
Отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!
Это смелый Буревестник
Гордо реет между молний
Над ревущим гневно морем;
То кричит пророк победы:
— Пусть сильнее грянет буря!..

Н.С.Травушкин

**«ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ»,
ЕЕ ПАФОС, ЕЕ МИР**

Историко-литературный
очерк

КРЫЛАТАЯ ПЕСНЬ

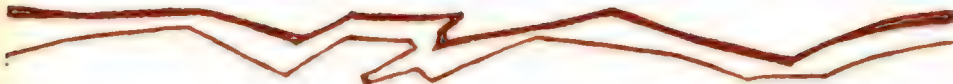
На рубеже XIX и XX столетий в Петербурге выходил литературный, научный и политический, как он сам себя рекомендовал, журнал «Жизнь». Дважды — в 1899 и 1900 годах — печатал в нем свои работы В. И. Ленин. Журнал пользовался известностью и любовью в демократических кругах. Художественная его часть формировалась под прямым воздействием и при участии М. Горького, сюда он отдавал некоторые новые свои произведения. В. И. Ленин, находившийся в сибирской ссылке, в одном из писем 1899 года заметил: «...недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!»¹.

В апрельском номере 1901 года «Жизнь» поместила среди беллетристических произведений не совсем обычно выглядевшее стихотворение: оно напечатано как прозаический текст — без разбивки на стихотворные строки, между тем совершенно явственно ощущается четкий, энергический ритм стиха. Необычным представлялся и сам предмет поэ-

тической мысли — Буревестник, птица, в общем-то, для россиян отвлеченно-экзотическая, мало тогда знакомая читателям. У поэта же она, в стремительном своем полете, приобретала удивительно определенный, выразительнейший облик. Грандиозны картины охваченного волнением моря, утесы, тучи, молнии дополняли впечатление, и весь напор эмоций завершался восклицанием: «Пусть сильнее грянет буря!»

Журнал «Жизнь» на этом своем номере прекратил существование (о чем позаботилась правительственная цензура, давно отмечавшая «тенденциозное», «вредное» его направление). А «Песня о Буревестнике» Максима Горького продолжала свою самостоятельную жизнь. 36 строк журнального текста для людей того времени стали большой побудительной силой. «Песню о Буревестнике» печатают нелегально на гектографах и мимеографах, переписывают от руки, заучивают наизусть, декламируют на сходках и вечеринках. Ныне только в архивах и музеях можно увидеть «Песню о Буревестнике» в виде рукописного или гектографированного листка, который тайком передавали из рук в руки. Есть в книгохранилищах и нелегальные брошюры — «Буревестника» печатали вместе с «Песней о Соколе», с памфлетом

«О писателе, который зазнался»; некоторые из этих брошюр издавались за границей. Их с большими трудностями доставляли в Россию профессиональные революционеры.

Для того, чтобы литературное произведение — вопреки запретам и препонам — все же прорывалось к людям, часто даже минуя типографскую машину, оно должно обладать особой действенностью, в нем должна ощущаться большая общественная потребность. Именно так во многих случаях приходила к читателям «Песня о Буревестнике» — отдельным листком, сложенной пополам листовкой, тонкой брошюрой-тетрадкой, на газетной полосе, в каком-либо сборнике, в собрании сочинений писателя. Словом, малый, в несколько десятков строк «Буревестник» живет на пенистых гребнях книжного моря, и крылатая его судьба по всей справедливости принадлежит к судьбам замечательнейших произведений мировой литературы.

Проходили годы, десятилетия, а «Песня о Буревестнике» не теряла ничего от своей художественной силы и убедительности. Ее пафос ощущался как свежий штормовой ветер и за пределами того времени, когда она возникла. И в каждый из переломных моментов истории

поэтическое создание М. Горького снова и снова вдохновляло людей, дарило им силы и уверенность в торжестве их дела. Горьковский «Буревестник» преодолевал преграды государственных границ и различие национальных языков, находил отклик всюду, где люди жили устремленностью к высоким целям.

«...Без «человеческих эмоций», — писал В. И. Ленин, — нет и не может быть человеческого *искания истины*»². И когда в применении к искусству мы пользуемся словом «пафос», речь идет об эмоциональном одушевлении, которое дают «живые создания» искусства. Искусство, писал В. Г. Белинский, «допускает только идеи поэтические; а поэтическая идея — это не силлогизм, не догмат, не правило, это — живая страсть, это — *пафос*»³.

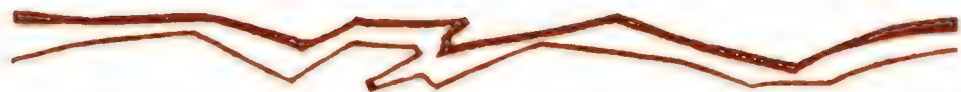
«Песня о Буревестнике» вместила в себя общественные эмоции конкретного исторического этапа в жизни России. Но пафос искания, пафос противодействия косной, давящей действительности, пафос активности и борьбы отвечает и чувствам людей, живущих в иные времена, в других странах, в другой исторической обстановке.

Увлекательная задача — показать читателям судьбу «Песни» от 1901 года, когда возник

замысел ее и само произведение в предреволюционной России, до наших дней, когда оно живет как явление мировой культуры. Нельзя будет при этом упустить из виду, что «Песня о Буревестнике» возникла как заключительная часть весьма своеобразной «фантазии» М. Горького «Весенние мелодии». Надо помнить также, что в 1895 году Горький создал «Песню о Соколе», быстро получившую широчайшую известность. «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике» воспринимались в едином ключе, они сходны в своем пафосе, дополняют друг друга. «Мы, старые рабочие,— вспоминал П. А. Заломов,— видевшие начало марксистского движения на фабриках и заводах, были революционными романтиками. «Песня о Соколе» звучала для нас как боевая труба, вызывала слезы восторга». А вот впечатления П. А. Заломова о встрече с А. М. Горьким в 1905 году: «...передо мной был живой, смелый сокол, буревестник русской революции — Максим Горький... Я сказал ему, что люблю «Песню о Соколе» и загрожу его в бою своей грудью»⁴. А ведь была еще легенда о Данко — пылающее его сердце также называет П. А. Заломов!

Произведения художественной литературы воспринимаются читателями не только по от-

дельности, но и в совокупности с другими, в каждый период общественной жизни складывается свой круг чтения. Обстоятельства места и времени налагают свой отпечаток на характер восприятия, оно постепенно меняется, в содержании произведения открываются новые глубины, новые поэтические красоты.

И вот оказывается, что комментарий к небольшому по объему художественному творению разрастается — передать все существенное о нем и его месте в истории и в современности непросто, мир его широк и необъятен.

«ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ»

В конце 1899 года в письме В. В. Вересаеву Алексей Максимович Горький сообщает свой адрес так: «Нижний — мне. Дом и улицу не нужно». В самом деле, в это время нет, пожалуй, в городе более известного человека. Жил писатель широко и открыто. Квартира его с высокими светлыми комнатами была тем центром, к которому стягивались нити общественной, культурной, художественной жизни большого города. Здесь обсуждались важнейшие политические события, затевались дела общественно-

просветительского характера, и нередко легальное сочеталось с нелегальным: Горький заботился о нужной для революционных кружков литературе, писал прокламации, устраивал явки.

А. М. Горький читал только что начавшую выходить «Искру», познакомился и с брошюрой «Майские дни в Харькове» — ее, с предисловием В. И. Ленина, издала «Искра» в январе 1901 года. Ленин писал об «эпохе возбуждения», о стачках и демонстрациях, о политических требованиях рабочих. Нужны усилия, нужна организация, чтобы приближающаяся революционная буря «была не стихийной бурей, а сознательным движением пролетариата»¹.

Да, люди, только что вступившие в новый, двадцатый век, бурю ждали, бурю приближали!

В середине февраля 1901 года А. М. Горький спешит в Петербург. Волна политического подъема то и дело захлестывала столичные улицы. 19 февраля поводом к демонстрации стало 40-летие отмены крепостного права. На Невском проспекте, у Казанского собора, смело говорили речи, пели революционные песни. Явилась полиция, публику стали разгонять.

В тот день А. М. Горький участвует в собрании «Союза писателей», на котором, как значится в справке Департамента полиции, «были

произнесены речи крайне противоправительственного содержания»². Поэтесса Г. Галина читала свое стихотворение «Лес рубят — молодой, еще зеленый лес...» В иносказательной форме выразила она всех тогда охватившее возмущение расправой над киевской молодежью: «по высочайшему повелению» 183 студента были отданы в солдаты «за учинение скопом беспорядков».

Лес рубят... Оттого, что рано зашумел,
Что песней радостной своей будил природу?
Что молодой листвою он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?

А. М. Горький обсуждал с революционным комитетом организацию нового выступления — студенты намерены были вступить за киевских товарищей, протестовать против арестов петербургских участников демонстрации 19 февраля.

Молодежь вышла на улицы столицы 4 марта. «Искра» сообщала, что на демонстрацию пришли и рабочие, что на заводские окраины «были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию рабочую массу, причем произошла схватка, в которой многие были ранены». Усмирение демонстрантов вылилось в

ужасное побоище. А. М. Горький был одним из инициаторов и авторов обращения литераторов и общественных деятелей в редакции газет и журналов с протестом против насилий над демонстрантами, поставил под этим документом свою подпись.

В Петербурге писатель был озабочен еще выполнением конспиративного поручения Нижегородской группы РСДРП: он должен был приобрести множительный аппарат — мимеограф. За ним усиленно следили. Директор Департамента полиции телеграфировал из Петербурга начальнику Нижегородского жандармского управления: мимеограф приобрел «известный вам Алексей Пешков, он же Горький» — «для печатания воззваний к сормовским рабочим». Далее предписывалось установить за Горьким «тщательное секретное наблюдение»³.

Вернулся писатель в родной город 12 марта — крайне возбужденный, охваченный жадой немедленно сделать что-то небывалое, сильное, смелое для борьбы с ненавистной властью. Надо было писать... Иносказательное, как широко пошедшее среди публики «Лес рубят...» Галиной! Как вдохновлявший еще народовольческую молодежь «Порог» Тургенева! Или «Огоньки» Короленко — их переписывали,

заучивали наизусть: «Но все-таки... все-таки впереди — огни!..» А, может быть, в духе того аллегорического рассказа, что М. Горький напечатал в 1893 году еще в «Волжском вестнике», а потом включил во 2-й том «Очерков и рассказов» — «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины»? В роще, где тон задавали вороны, птицы пессимистические, вдруг зазвучали свободные, смелые песни...

Прочь!.. Здесь объявлена богам
За право первенства война!

Это поет чиж, птица вроде бы невзрачная. Но ведь пришли весенние дни, пора надежд и устремлений...

Алексей Максимович очень любил птиц, об этом не раз говорилось в воспоминаниях тех, кто бывал у него дома. «Когда я вошел в просторную комнату,— писал в 1902 году Л. Прошин в одной из газет,— первое, что бросилось мне в глаза, была настежь распахнутая дверь в залу, окна которой были завешаны садками и клетками с разными птицами... Скакали чижи, щеглы... Около одного садка стоял высокий широкоплечий мужчина... Одет он был в серую рабочую блузу, подпоясанную широким черным ремнем, и, держа в одной руке стакан с водою,

вынимал поочередно из клеток питейки и наливал в них свежей воды. Это был Максим Горький»⁴. То же рассказывает А. Богданович: «Любил он птиц и тонко подмечал их особенности. Частенько ходил на балчуг, подолгу беседовал с птицеловами и выбирал у них синиц разных пород... снегирей, поползней, клестов, дятлов и развел у себя целый птичий поселок... Весной все это пернатое население было выпущено на волю»⁵.

Зная об этом увлечении М. Горького, хорошо понимаешь возникновение образной формы: действие происходит «в саду, за окном моей комнаты», это «птичьи разговоры» (первоначальный, зачеркнутый автором заголовок), «весенние мелодии».

А. М. Горький не включал эту «фантазию» в собрания своих сочинений. Только в 1950 году «Весенние мелодии» появились в 5-м томе Собрания сочинений в 30-ти томах. И долгое время «Весенние мелодии» как-то не привлекали особенного внимания исследователей. Произведение это было менее, чем другие, известно широкому читателю. Поэтому следует внимательно всмотреться в художественную ткань «Весенних мелодий», по достоинству оценить изящество формы и глубину содержания.

Лирически начатое повествование автор быстро переводит в иронический план, разговоры птиц и их характеристики приобретают аллегорический смысл. Подслушанные писателем «мелодии» — картина общественных настроений, живой отклик на злобу дня. «Действующие лица» явно противопоставлены друг другу. С одной стороны, превосходительно-чиновная публика: действительный статский снегирь, надворный воробей, потомственный почетный филин; молодой ворон прямо назван доносителем. С другой стороны, те, кто дерзает мечтать об обновлении природы, о самой «свободе»: стайка чижигов, поэт-жаворонок. В ликующей песне ручьев открываются широкие просторы реки, которая стремится к морю. И этим подготовлен, оправдан неожиданный финал: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает...» Строфы, которым суждена была необыкновенная жизнь... Развертывание сюжета сопровождается нарастанием того противочувствия, которое известный психолог Л. С. Выготский считает фундаментом воздействия искусства на читателя. Игриво, с иронией, обсуждались в весеннем саду серьезнейшие проблемы общественного движения. Эта двойственность восприятия, противоположно направленные

мотивы замыкаются на песне о Буревестнике, лукавая аллегория сменяется символом. Эта смена планов, быстрое переключение чувств читателя — изумительнейшая находка М. Горького.

Его художественная интуиция нашла сильнейший способ выразить переполнявшие его переживания, передать сложность осмысленного им исторического момента:

Ждите! Скоро грянет буря!

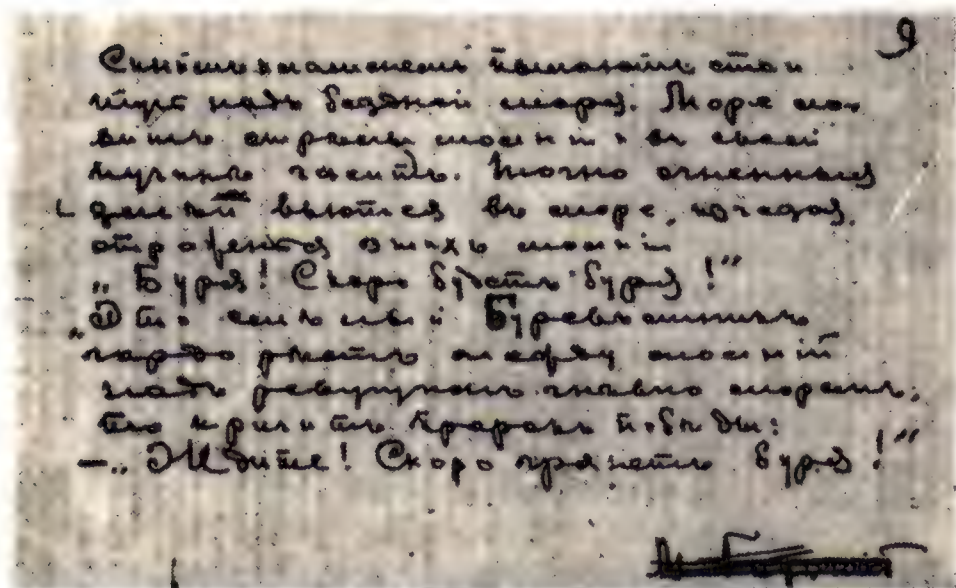
Черновая рукопись Горького именно с этой концовкой сохранилась. Она обстоятельно описана и воспроизведена в горьковедческой литературе, некоторые страницы — факсимильно⁶. Характерный круглый почерк — каждая буква отдельно, аккуратные, как по линейке, вычерки, четко вписанные исправления. Перед нами текст, уже заверченный автором, его можно было отдавать в печать, не переписывая.

А. М. Горький опроверг воспоминания А. И. Свирского, якобы слушавшего чтение «Буревестника» автором во время пребывания в Петербурге, в редакции «Жизни». Он заявил: «Буревестник» написан мною в Нижнем и был послан в «Жизнь» почтой⁷.

Первоначальную рукопись «Весенних мелодий» автор вскоре подвергнет некоторой правке — появится в Песне о Буревестнике другая, более значительная финальная фраза: «Пусть сильнее грянет буря!»

Зная цензурные условия, писатель раздумывал, по-видимому, о том, удастся ли ему напечатать свою аллегорию. Характерно, что

Сквозь туман и ветер летит стая
птиц над бездной моря. Море мо-
жет быть сильнее моря, в своем
духе и силе. Можно огнем
идти в бой с морем, когда
отрофится дух моря.
„Буря! Скоро грянет буря!“
„Да, слышишь? Буревестник
идет рвать морю морю
над рекою, над морем,
то кричит: Крава! Крава!
— Идите! Скоро грянет буря!“

Последняя страница рукописи А. М. Горького «Весенние мелодии»

подпись «М. Горький» в описанном нами автографе аккуратно зачеркнута, явно самим же автором... Думал ли он напечатать новое произведение анонимно?..

После событий 4 марта в Нижний Новгород из Петербурга и из Москвы, где также состоялась демонстрация молодежи, была выслана большая группа студентов, участвовавших в антиправительственных протестах. Студенты чуть не ежедневно бывали на квартире А. М. Горького. В сущности, это был нелегальный кружок. Действовали студенты энергично, хотя и не всегда достаточно конспиративно. Боевая их группа — «Социал-демократическая организация» — наладила массовый выпуск «летучих листов», прокламаций. Участник этой группы Борис Морковин 6 апреля писал о нижегородских делах в Москву курсистке Л. Булкиной. Письмо было перехвачено жандармами и является теперь ценным источником сведений о работе А. М. Горького с революционно настроенной молодежью. «У нас своя компания человек в 15,— сообщал Б. Морковин.— У нас бывают нередко Горький и Скиталец. Теперь я убедился, что Горький замечательный человек... Из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой, молодой России...

Читал нам Горький свои новейшие произведения, не пропущенные цензурой, — «О писателе, который зазнался», «Весна»...⁸

«Весна» — это, несомненно, фантазия «Весенние мелодии».

Горький, однако, не мог ограничиться чтением рожденного его боевым духом произведения лишь в узком кружке молодежи. Есть прямое его свидетельство 1931 года: черновик «Весенних мелодий», пишет он, «был передан мною кружку московских студентов, высланных в Н. Новгород; они и занимались размножением и распространением ее»⁹.

Тогда же Алексей Максимович сделал попытку напечатать «Весенние мелодии» в легальном издании — рукопись была послана в Москву, в газету «Курьер». 11 апреля 1901 года Московский цензурный комитет слушал доклад цензора А. И. Генца об этом произведении.

Можно представить себе чувства чиновника, приставленного к делу уловления крамольных мыслей. Что за дерзкая «фантазия»! Как в баснях, как в сатирах Шедрина — неблагонамеренные намеки. Ворона, «солидная птица», «занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь «благотворительное» для бедных галок и старых голубей»...

А дальше о молодом вороне... Что за лексикон: «по долгу службы», «имею честь донести» — да это насмешка над чиновниками, над властями! Но самое возмутительное в конце — это песня о буревестнике, «жажда бури», «скоро грянет буря!» Все долой, красными чернилами крест-накрест!

«В этой фантазии,— докладывал цензор,— под формой щебетанья между птицами характеризуются различные настроения в русском обществе в настоящую минуту, вызванные последними студенческими волнениями...» Хотя у Горького нигде прямо не говорится о студенческом движении, цензор чутко улавливает злобу дня, безошибочно определяет истоки творческого воображения писателя. Пересказав, с цитатами, разговор птиц, цензор приводит строки из песни о буревестнике, которую он находит особенно крамольной. Цитирует он и заключительный призыв: «Ждите, скоро грянет буря!» «Беседа птиц,— говорится в заключении,— представляет, во всяком случае, пример несоответствия между серьезностью предмета и формой изложения: песня же о буревестнике есть прямое подстрекательство продолжать борьбу с будто бы начинающим заметно уставать правительством. Я полагаю

«Весенние мелодии» к печати не дозволять»¹⁰.

Цензурный комитет согласился с докладчиком и постановил: произведение не дозволять «ввиду тех толков, которые может вызвать появление названной фантазии в печати», гранки же удержать в делах комитета. На полях журнала заседания имеется позднейшая запись: редактор «Курьера» г. Фейгин объяснил, что он решил представить это произведение на рассмотрение комитета лишь потому, что оно принадлежит М. Горькому¹¹. Увы, имя признанного передовой Россией писателя как раз и настораживало цензоров...

Две первые гранки «Весенних мелодий» из четырех, представленных «Курьером», сохранились в архивном фонде Московского цензурного комитета — перечеркнутые вдоль и поперек, с запретительной резолюцией на полях¹². Это — ценный документ к изучению творческой истории замечательного произведения М. Горького.

О том, что «Курьеру» не позволили напечатать «Весенние мелодии», стало, конечно, известно в литературных кругах Москвы. Пожелал напечатать это произведение издатель «Русской мысли» В. М. Лавров. Он полагал, очевидно, что в толстой книге художественного журнала

фантазия М. Горького не покажется цензуре столь одиозной, как на газетной полосе. 12 апреля В. М. Лавров обратился к Алексею Максимовичу с письмом: «Страницы «Русской мысли» всегда открыты для Вас, и в нашем доме Вы всегда будете дорогим гостем. Теперь представляется удобный случай. Ваш рассказ, посланный в «Курьер», цензурой не пропущен. Не отдадите ли Вы его нам? Думаю, что у нас он бы прошел». А. М. Горький ответил, что «Весенние мелодии» были посланы им в «Жизнь» «тотчас же, как только стало известно, что «Курьер» не печатает»¹³.

Между тем старалась вовсю не только цензура. Автор распространявшихся нелегально «Весенних мелодий» был в поле внимания высших административных сил. Наконец полицейско-жандармская машина, перерабатывавшая донесения шпикиов и всяческие справки и доклады о деятельности нижегородского кружка молодежи, выдала постановление об аресте А. М. Горького и других лиц, занимавшихся революционной работой.

В ночь с 16 на 17 апреля писатель был арестован. При обыске были обнаружены серьезные улики: гектограф, гектографические чернила, заготовленные прокламации, призы-

вающие сормовских рабочих к празднованию 1 Мая. Алексей Максимович был заключен под стражу в первый корпус Нижегородского тюремного замка.

«МЕЖДУ ТУЧАМИ И МОРЕМ»

«Буревестник» был напечатан,— сообщает редактор «Жизни» В. А. Поссе,— пройдя через предварительную цензуру Елагина, который не усмотрел в ней ничего революционного»¹.

Надо признать, цензор, если даже и почувствовал возбуждающий характер «Песни», оказался в нелегком положении. Поэтическая картина природы, море, чайки, гагары, буревестник... Ведь и другие пейзажные стихотворения были предназначены для апрельского номера «Жизни»: «Весенний дождь» Н. Я. Абрамовича, «Перед грозой» А. М. Федорова.

Пора! Уж тишина давно гнетет кошмаром,
Весь воздух до небес грозою заряжен,
И тучей сизою дымится, как пожаром,
Отяжелевший небосклон...
Но больше ждать нельзя!
Скорей бы тяжким громом

Разбилась тишина! Сквозь горы туч седых
Пробилась молния сверкающим изломом
И хлынул крупный дождь из них!..

Что же здесь запрещать? Гроза есть гроза. Так и в «Буревестнике» — психологическое состояние, ни слова о делах общественной жизни, о революционных ожиданиях... Цензор не мог предвидеть, что в отличие от ординарных стихотворений о природе с их привычными образными ходами «Песня о Буревестнике», свежая, яркая, заживет самостоятельной жизнью, станет лучшей страницей журнала, будет соперничать с революционными прокламациями.

Мы не знаем, в какой мере был литературно образован оказавшийся недалёковидным цензор А. Л. Елагин, разрешивший «Буревестника». Видимо, он не мог учесть законы восприятия поэтических образов-символов. Их прямое значение очевидно, переносное же — скрыто и не улавливается параграфами цензурного устава. Понимание символа требует от читателя внутренней, душевной работы, знания и учета традиции, сложившейся в мировой поэзии.

Так, вдумчивый читатель непременно ощутит символический подтекст картин бушующего моря в заключительных строфах «Чайльд Га-

рольда» Байрона, в обращении Пушкина «К морю», в его «Арионе». Таковы же «Пловец» Н. М. Языкова («Нелюдимо наше море...»), «Парус» М. Ю. Лермонтова, «Душно! без счастья и воли...» Н. А. Некрасова. За прямым изображением стихий угадывается отклик поэтов на состояние общественной жизни. И М. Горький, живописуя картину бури, опирался на усвоенную уже читателем традицию, пользовался иносказательным языком поэзии, в котором море — не только море...

Но откуда прилетел Буревестник?

Никого не удивляет появление в творчестве Горького образа смелого Сокола — он тысячекратно воспет в русском народном творчестве. Но экзотический для центральной России буревестник... Ведь самого слова этого долгое время не было в языке русской художественной литературы, оно существовало лишь как орнитологический термин. В словаре Даля (издание 1880 г.): «Бурная-птицы, буревестники, близкие чайкам, *Procellariae*, держатся в открытом море». В «Немецко-русском словаре» И. Я. Павловского (1888) *Sturmvogel* — «буревестник, погодовестник, бурная птица, глупыш, старик». В старом «Полном англо-русском словаре» А. Александрова *petrel* — «бурная птица, глу-

пыш». Всюду ясно ощущается чисто орнитологическое понимание слова-термина.

Слово «буревестник» не было, например, известно И. С. Тургеневу. В очерке «Человек в серых очках» (1880) Тургенев называет буревестника по-английски: stormy petrel. Образ этот у Тургенева связывается с революцией 1848 года, и, надо думать, не случайно. Именно на Западе «буревестник» воспринимался как символ больших общественных событий и борьбы. Мы встречаем его, например, в откликах молодого Фердинанда Лассалья на восстание силезских ткачей. В письме родным 12 июня 1844 года он весьма проницательно и образно размышлял: «Слышите ли вы, как сильно гремит гром на горизонте... Все это многообразные знамения времени — чайки, чайки, говорю я вам, буревестники, возвещающие о приближении бури нового духа... это начало той войны бедных против богатых, которая уже так ужасающе близка! Это первые проявления и содрогания коммунизма...»².

Буревестником ощущал себя Генрик Ибсен, когда в сезон 1857/58 года в Христиании боролся за утверждение нового национального, истинно норвежского театра. Тогда написал он своего «Буревестника»:

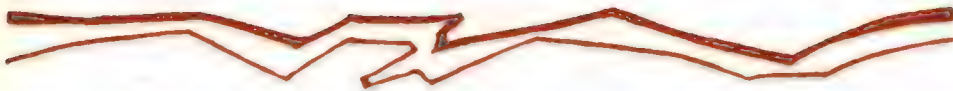

Живет буревестник на гребне утеса,—
Я это от старого слышал матроса.
Он в пене сверкает крылами и стонет,
Скользит над волнами и в море не тонет,
Качается мерно на зыбкой лазури,
При штиле молчит и кричит перед бурей.
То реет под тучей, то с гребнями рядом,
Как наши мечты между небом и адом.
Тяжел он для воздуха, легок для моря.
Вот, птица-поэт, в чем и радость и горе.
И хуже всего, что ученый с опаской
Рассказ моряка счел бы сущей сказкой.

(Перевод Вс. Рождественского).

Фридрих Шпильгаген в романе «Один в поле не воин» (1866) описывает крестьянские восстания и деятельность агитатора Туски, которого характеризует именно словом «буревестник». Другой персонаж — Лео (отдаленным прототипом его был, как известно, Лассаль) сам называет себя буревестником.

«Буревестник» в иносказательном его значении появляется в статье «Признаки времени», напечатанной в 1878 году в нелегальном листке «Земля и воля» (№ 2). Речь здесь идет о росте революционных настроений в России: «Натуры чуткие, сильные, восприимчивые раньше других

ощущают жгучее дыхание приближающегося урагана. Море спокойно, только свежий ветерок весело надувает паруса, но над кораблем уже с зловещим криком носятся чайки-буревестники, и моряк знает, что будет буря, хотя и не чувствует ее».

И вот, наконец, появляется буревестник, казалось бы даже неожиданно, в скорбной поэзии Надсона. В трудную пору «безвременья» 80-х годов у него нередко звучат энергичные ноты, появляются лексика и образность, характерные для революционной поэзии: «грядущая гроза», «народный гнев», «решительный бой», «тишина перед грозою». И вот он — маленький шедевр 1884 года:

Чу, кричит буревестник!.. Крепи паруса!
И грозна, и окутана мглою,
Буря гневным челом уперлась в небеса
И на волны ступила пятою.
В ризе туч, озаренная беглым огнем
Ярких молний, обвитых вокруг стана,
Мощно сыплет она свой рокошующий гром
На свинцовый простор океана.
Как прекрасен и грозен немой ее лик!
Как сильны ее черные крылья!
Будь же, путник, как враг твой,
бесстрашно велик...

Стихи Надсона ежегодно переиздавались «Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым», М. Горький, несомненно, их читал. В очерке «Время Короленко» он вспоминал: «...Молодежь восхищалась Надсоном»³. Хорошо знал он и роман Шпильгагена, читал и осмысливал его еще в кружке Деренкова в Казани. Но в русских переводах романа слово «буревестник» опускалось (как чуждое тогда литературному языку!). Трудно предположить, что с первого раза или при повторном чтении бросился в глаза и жил в памяти писателя даже такой пассаж, близкий образному строю горьковского произведения: «Подобно тому, как бурная птица погружается в море, я не должен иметь другой родины, кроме шатких волн жизни. Свивайте себе гнездышко на безопасном скалистом утесе, а мне оставьте океан...»⁴.

По-видимому, М. Горький просто в силу своей начитанности сложил себе представление об экзотической птице по многочисленным легендам и рассказам, вошедшим в книги морских путешественников. Обширный материал на эту тему подобран в любопытной брошюре В. П. Владимирцева «Народно-поэтические основы «Песни о Буревестнике» (Казань, 1968). К сожалению, автор не указал, какие именно

сочинения, содержащие легенды о буревестнике, читал М. Горький.

Легенды о птице бурь нередко подчеркивают зловещий, демонический ее характер. Сравнение с демоном в «Песне о Буревестнике» встречается трижды, оно достаточно весомо и не пропадает в общей картине. И в этом случае богатая литературная традиция внесла в создание Горького высокую ноту гордого протеста, мятежа против высших сил — именно в этом ореоле предстают Демон у Лермонтова, Люцифер у Байрона, Сатана у Мильтона и т. д.

В этом тайна необыкновенного воздействия Буревестника. Он гармонировал с прекраснейшими творениями мировой поэзии, с признанной поколениями читателей символикой бури, символикой мятежа. И в то же время это был образ новый, оригинальный, удивительно точно отвечавший духу переживаемого момента — духу близких исторических перемен.

Ко всему этому — прекрасные в своей упругой ритмике нерифмованные стихи — правильный четырехстопный хорей. Можно думать, что Горький не выделил стихи графически, не дал их столбиком потому, что песня жаворонка, песня ручьев и особенно песня чижа о Буревестнике занимают в общей сложности

немалое место в тексте «Весенних мелодий» — непривычно бы выглядело чередование прозы и стихов (так же он поступил ранее в «Песне о Соколе»). Но этим был достигнут еще один психологический и художественный эффект, еще одно «противочувствие»: казалось бы, — проза, а звучит как чистейшая стихотворно-поэтическая речь!

Не разглядел стихотворную форму «Песни о Буревестнике» цензор Елагин: «поэма в прозе» — написал он, когда ему было поручено дать характеристику содержания апрельского номера «Жизни»⁵. Но иной раз и более квалифицированные авторы впадают в ту же ошибку, дают неточные, путанные, неверные определения. Теоретик верлибра (свободного стиха) А. Жовтис называет «Песню о Буревестнике» «метризованным стихотворением в прозе»⁶. Другой литературовед утверждает: «написана ритмической, размеренной стихообразной прозой»⁷. В рекомендациях методиста учителю: «произведение, написанное ритмической прозой, представляющей по большей части нерифмованный четырехстопный хорей»⁸.

Но если хорей, и не «по большей части», а всюду в «Буревестнике», то ведь это не проза, а стихи!

Наконец, нельзя не сказать о языке «Песни о Буревестнике». Литературоведы-стилисты отмечают богатый спектр средств изобразительности и выразительности⁹. Сравнений немного, и все они, за одним исключением (молнии — «точно огненные змеи»), относятся к Буревестнику, передают динамизм центрального образа: «черной молнии подобный», «как стрела пронзает тучи», «стрелой взмывая к небу», «носится, как демон».

Особенно эмоционально насыщенный психологический ряд создают метафоры-олицетворения: «смеется и рыдает», «пламя страсти», «битва жизни», «жажда бури», «стонут волны», «пена гнева», «усталость в гневе грома» и т. п.

Яркие цветовые эпитеты «Песни», краски здесь положены смелым художником: контраст черного и белого (седое от пены море), цвета изумрудный, синий, огненный.

Так же богаты средства синтаксиса: настойчивые повторы основных действий и предметных понятий, параллелизмы и антитезы, риторические восклицания. Строго продуман порядок слов: они размещены так, что сильное ударение, логическое и ритмическое, приходится на наиболее весомые в смысловом отношении слова. Преобладают простые предложения, синтак-

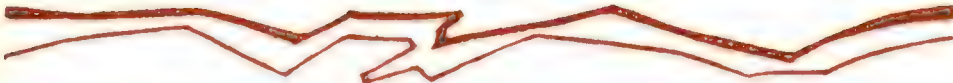

сис в целом прозрачен, логичен, легкий для восприятия. «Песня» без труда заучивается наизусть.

«Песня о Буревестнике» явилась своеобразным свидетельством идейно-художественного роста писателя за первое десятилетие его творческой жизни.

Картину бушующей стихии Горький дал впервые в «валашской сказке» «О маленькой фее и молодом чабане», написанной, по свидетельству автора, еще в Тифлисе, то есть в 1892 году. Уже сама по себе яркая романтическая проза сменяется в конце сказочного повествования еще более эмоциональным звучанием — гроза в степи описана тем же четырехстопным хореем, что и буря в «Песне о Буревестнике»:

Стрелы молний рвали тучи, но они опять сливались и неслись над степью мрачной, наводящей ужас стаей... и блестели грозно тучи и казались взгляду ратью страшных черных привидений, в бархат с золотом одетых... Ужас сердце чувствует в этот краткий миг, который делит гул громовый на удары; а они гремят, и тучи разрываются, бросая золотые стрелы молний из рядов своих на землю. Гром гремит, пылают тучи, и огонь их синь и страшен, и дрожит пус-

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ.

—•—
Томъ IV.

Апрѣль

1901 г.
—•—

Обложка нелегального гектографированного издания

тыня неба, и земля трясется робко... И на свете нет явлений больше сильных, больше страшных, чем гроза в степи широкой и на море бури бой!..»

«Здесь наличествуют,— пишет С. Балухатый,— героическая эмоция и героическая стилистика, но настоящего героя еще нет... даны лишь те поэтические пробы, стилистические заготовки, которые с огромным искусством лаконизма он использует в последующих песнях о «Соколе» и о «Буревестнике»¹⁰.

И вот сильнейшее по героическому духу и по художественным достоинствам поэтическое произведение о приближающейся революционной буре появляется на страницах легального журнала (цензурное разрешение № 4 «Жизни» — 25 апреля 1901 г). Полностью дать «Весенние мелодии» журналу не удалось: пошел в печать только самый конец фантазии — «Песня о Буревестнике».

9 мая Алексею Максимовичу передали в тюремную камеру книги, в том числе 4-й номер «Жизни». Видимо, мелодия стиха заново переживалась тогда автором «Песни о Буревестнике» — его размером он пишет жене саркастическое двустишие:

Сквозь железную решетку с неба грустно
смотрят звезды.

Ах, в России даже звезды светят людям
сквозь решетки ¹¹.

Это двестише не попало к Екатерине Павловне: прокурор задержал письмо и приобщил к делу о литераторе Алексее Максимове Пешкове...

Стихи эти позднее А. М. Горький использовал в рассказе «Тюрьма» (1905).

Промах цензуры, пропустившей в печать «Буревестника», не остался незамеченным. «Непорядок» тут же отметили в Департаменте полиции, завели секретную переписку «для принятия мер». Новое сочинение Максима Горького удостоилось специальной справки: «В апрельской книжке «Жизни» предназначался к напечатанию рассказ Пешкова «Весна», в коем характеризуется современный момент — момент возрождения сознания в обществе... Представитель молодого поколения — чиж — поет крайне возбуждающую песнь «О Буревестнике». Самый рассказ был запрещен цензурой, но отдельно «Песнь о Буревестнике» напечатана...» ¹². Далее полностью переписано из апрельского номера «Жизни» возмущившее жандармов стихотворение Горького.

Ирония судьбы: не только революционная молодежь переписывала «Буревестник», но

приходилось это делать — «по долгу службы»! — и чиновникам-письмоводителям карательного учреждения. «Означенное стихотворение, — читаем мы далее в полицейском документе, — произвело сильное впечатление в литературных кружках известного направления...»

Редакторы журнала В. А. Поссе и М. С. Ермалаев были посажены в петербургскую тюрьму «Кресты», а затем как «политически неблагонадежные» высланы из столицы. Департамент полиции потребовал закрытия «Жизни»: ее редакция представляет «не что иное как революционный кружок». И так уж долго терпели журнал «марксистского толка», в котором печатались статьи В. И. Ленина, произведения А. П. Чехова, А. С. Серафимовича, И. Франко, социалистическая утопия Э. Золя «Труд» и другие «невозможные» вещи. Майская книга журнала была цензурой задержана, а 8 июня журнал был закрыт совещанием трех царских министров и оберпрокурора святейшего синода «за весьма тенденциозный характер».

Поистине получалось, «все мрачней и ниже тучи»...

СМЕЛЫМ ЗАПРЕТ — НЕ ПОМЕХА

Получив от Алексея Максимовича рукопись «Весенних мелодий», его молодые друзья в Нижнем тут же принялись за дело. В печатании участвовали студенты Борис Морковин и его брат Владимир (они из Ташкента), нижегородский рабочий поэт А. Белозеров и другие. Б. В. Морковин в 1964 году, на встрече с литературоведами в Архиве А. М. Горького, рассказывал: «Эту литературу мы рассылали по всей России, включая Москву, в Ташкент, Астрахань и другие города для перепечатки»¹.

Образец любовно подготовленного нижегородской молодежью издания находим в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы, в фонде Московской судебной палаты. Здесь хранятся «вещественные доказательства» по делу нижегородского фотографа П. П. Троицкого. Весной 1903 года по доносу профессионального провокатора он был арестован. При обыске у него нашли запрещенную литературу, в том числе гектографированный экземпляр «известного, тенденциозного содержания неизданного рассказа Горького «Весенние мелодии»². На титульном листе — виньетка, текст выполнен стилизованным шрифтом:

Обложка журналу «Жизнь», в котрому опублікована
«Пісня о Буревістнику»

«М. Горький: Весенние мелодии. Песнь о Буревестнике. Нижний Новгород. 1901г.». На следующем листе — отлично сделанный портрет Алексея Максимовича — в косоворотке, с факсимильно воспроизведенной его подписью. Фантазия печатается в первой редакции, то есть последние ее слова: «Ждите! Скоро грянет буря!»

«Весенние мелодии» (в первой редакции) находим также в «Сборнике произведений, возникших на почве студенческих беспорядков»³. О его подготовке сообщал Б. Морковин в письме Л. Булкиной от 6 апреля. На обложке сборника выставлено «Москва»; скорее всего, однако, он не только готовился, но и печатался в Нижнем Новгороде. Один экземпляр сборника, пожелтевший от времени, с полувыцветшим текстом, сохранился в г. Горьком, в музее писателя.

Такие реликвии агитационной работы, вещественные свидетельства конспиративной деятельности, забот и тревог участников общественного движения, хранятся ныне как большая историческая ценность. Около двух десятков уникальных экземпляров «Весенних мелодий» собрано в Архиве А. М. Горького, семь — в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, еще около двух десятков выяв-

лено нами в других архивах СССР и рукописных отделах крупных библиотек. Немногие произведения мировой литературы могут похвалиться таким разнообразием рукописных копий и гектографированных нелегальных изданий! Это — листы, сшитые в тетрадь, самодельные брошюры с рисованной обложкой, а то и убористо написанная листовка. Иногда «Весенние мелодии» печатались вместе с запрещенным же рассказом «О писателе, который зазнался», — это была уже небольшая книжечка.

Одни подпольщики располагали текстом первой редакции «Весенних мелодий», другие воспроизводили более позднюю, вторую редакцию — со словами «Пусть сильнее грянет буря!». Очень важны для творческой истории «Песни о Буревестнике» датированные издания и списки. Есть машинописная копия «Весенних мелодий» с пометкой под текстом: «Москва, 20 марта 1901 г.» (I-я редакция)⁴. А три различных по происхождению нелегальных издания во 2-й редакции помечены: «Москва, 24 марта 1901 г.»⁵. Этим, следовательно, определяется и время, не позже которого возникла у Горького более сильная концовка «Песни о Буревестнике».

«Весенние мелодии» печатались подпольно

во многих городах, но место издания выстав-
лось далеко не всегда, да и выставленному на
обложке не всегда можно верить.

Самым распространенным изданием было
мимеографированное. На плотной его обложке
в аккуратной рамке значилось: «М. Горький.
Весенние мелодии. (Фантазия). Цена 30 коп.
С.-Петербург. 1901 г.». В конце брошюры напе-
чатано послесловие «От редакции»: «Предлагая
читателям последнее произведение М. Горького,
редакция имела целью познакомить публику с
«Весенними мелодиями» в полном виде, так как
в печати имеется только отрывок этой фантазии,
напечатанный «по недосмотру отечественной
цензуры» в журнале «Жизнь» за 1901 год. При
полном отсутствии в России свободы слова да-
же такая грациозная вещь, милая шутка, как
«Весенние мелодии», в глазах аргусов-цензоров
является чем-то «зловредным» и «потрясаю-
щим» устои; наша цель — борьба с давящим
гнетом цензуры, и страстное желание наше —
это знакомить сограждан со всем тем светлым,
молодым и сильным, что правительственный
карандаш вымарывает как якобы опасное и
вредное, заражающее «ядом свободы» умы рус-
ских рабов»⁶. А к этому послесловию можно
встретить и приписанное от руки добавление:

«Конец этой фантазии под заглавием «Песнь о Буревестнике» был напечатан в журнале «Жизнь» — ныне покончившем свое существование насильственной смертью»⁷.

О том, как широко расходилось это приметное издание, есть немало документальных свидетельств. Так, в записке Петербургского охранного отделения от 4 сентября 1901 года говорится, что в студенческой столовой Петербургского университета «негласно» продавалось произведение М. Горького «Весенние мелодии», изданное на мимеографе, по цене 30 копеек за экземпляр⁸. Казанский губернатор 9 ноября 1901 года доносил в Департамент полиции, что среди рабочих завода Алафузова распространялось издание «Весенних мелодий» «без цензурных сокращений», с добавлением от редакции о том, что правительственная цензура вымарывает такое произведение как опасное и вредное и т. д.⁹. Был такой экземпляр в делах Екатеринославского жандармского управления — в 1940 году он был передан днепропетровскими архивистами Архиву А. М. Горького¹⁰.

О многом могут рассказать надписи, сделанные чинами жандармерии и полиции, отбиравшими «нелегальщину» во время обысков и арестов:

«Вещественные доказательства обвиняемого Николая Столыпина. Протокол № 7, пункт 16». Рукопись прошита и скреплена сургучной печатью Московского губернского жандармского управления ¹¹.

«Вещественные доказательства Марии Зварыкиной. Протокол № 3, п. 3». И та же сургучная печать ¹².

«Начальника Бессараб. Г.Ж.У. По описи № 67 88 экз.» ¹³. Тут, надо думать, жандармы во время обыска захватили целую еще нераспространенную партию отпечатанной брошюры...

С особым чувством берешь в руки списки «Весенних мелодий», сохранившиеся в архивных делах: можно представить, с каким волнением, пренебрегая опасностью, переписывали полюбившееся произведение.

В Ленинграде, в Историческом архиве, такие списки есть в фонде «вещественных доказательств». Вот «Весенние мелодии» на двух с половиной листках почтовой бумаги; на пришитом к ним ярлыке — сургучная печать Полтавского губернского жандармского управления — это к делу о распространении нелегальных изданий в г. Константинограде ¹⁴. Другой список — в клеенчатой тетради, куда ее владе-

лец записывал произведения, вызывавшие в публике особый интерес: стихи о расправе над студентами («Лес рубят...»), об отлучении Л. Толстого от церкви и т. п. Здесь и «Весенние мелодии» с концовкой: «Ждите! Скоро грянет буря!»¹⁵.

Два списка, датированные 1902 годом, находим в личном фонде начальника Главного управления по делам печати князя Н. В. Шаховского. Один список — рукой М. А. Шаховской, другой — копия с него на листах почтовой бумаги с тисненным золотом княжеским гербом¹⁶. По всему видно — бумаги не служебного характера, а копии, сделанные для «салонного» употребления: в «свете» также хотели знать, что это там сочинил «босяцкий» писатель Максим Горький.

В Ленинграде же, в отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом), хранится гектографированный экземпляр «Весенних мелодий» в личном фонде известного артиста М. И. Писарева, всегда живо отзывавшегося на общественные движения¹⁷.

Примечательный список хранится в одном из личных фондов в публичной библиотеке в Ленинграде. Это — первая редакция «Весенних мелодий»; позднее же в «Песне о Буревестнике»

в нескольких местах поставлены карандашом крестики и к ним в сносках добавлен текст второй редакции ¹⁸.

Каждая находка уникальных экземпляров запрещенных произведений М. Горького — своего рода событие.

Летом 1931 года саратовский художник Ф. В. Белоусов передал Нижневолжскому край-архиву рукописный экземпляр «Весенней мелодии» (во 2-й редакции). Работники архива, перепечатав рукопись на машинке, сфотографировав последнюю страницу, послали все это Алексею Максимовичу. «Это не мой почерк, подпись тоже не моя», — написал он, возвращая фотографию, а в сопроводительном письме предположил: «Кажется, это почерк Бориса Морковина». Возвратил Горький и машинопись, сделав на ней некоторые поправки по памяти. Но это был, как выражаются текстологи, «боковой вариант», не доведенный автором до конца, не имевший целью создать новую редакцию произведения. Письмо А. М. Горького, фотография правленной копии и другие материалы были опубликованы вскоре после смерти писателя отдельной брошюрой ¹⁹. Материалы эти находятся теперь в Архиве А. М. Горького. «Саратовский» экземпляр особенно ценен потому, что

Обложка нелегального гектографированного издания,
г. Астрахань

на нем поставлена важная для истории текста дата — *24 марта 1901 года*.

Интересна история астраханского гектографированного издания «Весенних мелодий». М. И. Слуцкий, исследовавший историю революционного движения в Астрахани, упомянул в своей диссертации подпольную перепечатку «Песни о Буревестнике». В одном из дел Астраханского жандармского управления действительно подшита гектографированная с машинописи фантазия «Весенние мелодии»²⁰. Здесь воспроизведена 2-я редакция. Отличие же этого издания от других ему подобных в том, что подпольщики смело выставили на обложке: «*Астрахань, 1901 г.*».

Сохранилась и жандармская переписка по поводу этой нелегальной брошюры. В феврале 1903 года в Вильне (ныне Вильнюс) был арестован профессиональный революционер. У него найдены записи, относящиеся к 29 городам, в том числе адреса и фамилии астраханцев. По требованию Департамента полиции в Астрахани был подвергнут обыску и допросу А. М. Васяткин, служащий купца Бекунова. У Васяткина и была отобрана местного изготовления брошюра «Весенние мелодии». Отправили ее в Вильну, но оказалось, что «для дознания по делу она

никакого значения иметь не может». Так, совершив путешествие через всю Россию, тетрадь вернулась в Астрахань, и полвека ее, вероятно, никто не касался в залежах архивных дел.

Астраханским жандармам не удалось найти тех, кто отпечатал запрещенный рассказ М. Горького. Но вот мы встречаем фамилию «А. М. Васяткин» в списке членов Астраханского литературно-драматического общества. Здесь не раз обсуждали произведения Горького, в декабре 1902 года в течение нескольких вечеров читали пьесу «Мещане», спорили о том, «что такое мещанство?». В числе руководителей и участников популярной в городе «Литературки» были активные социал-демократы, организаторы нелегальной работы. Астраханские подпольщики, связанные с Нижним Новгородом, пропагандировали запрещенные произведения Горького: весной или летом 1901 года издали типографским способом рассказ «О писателе, который зазнался»; пошла, как видим, и гектографированная фантазия «Весенние мелодии», предназначенная, можно думать, для встреч в литературно-драматическом обществе.

Какое огромное воздействие оказывали поэтические образы на астраханскую революцион-

ную молодежь, мы узнаем из автобиографической повести Павла Бляхина «На рассвете». Весной 1903 года батрачонок из с. Селитренного приехал в город. Подпольщики устроили его на работу в типографию, готовили к печатанию нелегальных листовок. Читали с ним «нелегальщину»: «Пауки и мухи», «Манифест Коммунистической партии». «Вскоре я познакомился,— пишет П. А. Бляхин,— и с произведениями Горького: его «Буревестник» и «Песня о Соколе» выучил наизусть. Тогда они звучали как набат, как призыв к восстанию, к революции: «Пусть сильнее грянет буря!» Здорово!»²¹.

Многое о распространении запрещенных произведений М. Горького мы узнаем из архивных документов, оставленных нашим историкам и литературоведам «в наследство» карательным аппаратом Российской империи.

Из перлюстрированного письма от 23 января 1902 года Департаменту полиции стало известно, что «Весенние мелодии» были помещены в гектографированном журнале «Сеятель», который нелегально выпускали ученики Казанского земледельческого училища²². Таким же путем жандармы дознались, что «Весенние мелодии» и «О писателе, который зазнался» перепечатывались летом 1902 года в Бронницах

(под Москвой) для распространения среди работающих там в артиллерийских парках²³.

По агентурным сведениям, симбирский семинарист И. В. Соколовский в июле 1902 года приехал к родственникам в Самару. Встретившись с товарищем в публичной библиотеке, он получил «Весенние мелодии», отпечатанные на гектографе²⁴.

Такого рода документальные материалы в немалом количестве находим в архивах Украины.

Летом 1901 года у киевского мастерового-позолотчика по доносу сослуживца был сделан обыск. Найдены были не только нелегальные брошюры и прокламации, но и на 12 четвертушках переписанный гектографическими чернилами рассказ «Весенняя мелодия». На заготовленной для печатания обложке значилось: «*Киев, 1901, 30 июля*», на последнем же листке — «*Гектограф Киевских революционеров-независимых*». В протоколе осмотра этих улик рассказ Горького аттестуется как «произведение тенденциозного характера на тему о ежегодно возобновляющемся весною политическом движении»²⁵. В кратком пересказе упомянуты «чижики», «ворон», «синицы», цитируется «Песня о Буревестнике» (в 1-й редакции).

Как видим, жандармам приходилось выступать в роли доморощенных «литературоведов», по-своему «анализировать» художественные образы, определяя их общественно-политический эквивалент. Вот еще один образчик жандармского «творчества»: «Рукописная тетрадка в одну четвертую долю листа. На восьми страницах записан фантастический рассказ «Весенняя мелодия. Фантазия»... Описываются разные породы птиц, ведущие между собою разговор по поводу ожидаемого обновления природы вместе с наступающей весной. Мнения сводятся к тому, что весна наступала и ожидалась уже не раз, что обновление природы хорошо только в случае, «если происходит с разрешения тех, коим надлежит это ведать». Заканчивается разговор следующими словами: «Буря! Скоро будет буря. Это смелый буревестник гордо реет между молний над гневно ревушим морем. То кричит пророк победы: «Ждите! Скоро будет буря!»²⁶.

Весной 1902 года при обыске в Одессе у братьев Кирилловых взяты гектографированная брошюра «Весенняя мелодия. Одесса, 1902 г.», стихотворение «Варшавянка», шифрованный текст и ключ к шифру и другие нелегальные материалы Одесского комитета РСДРП²⁷.

К делу о Южной революционной группе социалистов (Одесса) была приобщена ученическая тетрадь с надписью на ярлыке: «М. Горький. Весенние мотивы»²⁸. Еще одна рукопись — «Весенние мелодии» — отобраана при обыске в Нижнем Новгороде у фельдшерицы Бабушкинской больницы В. М. Тетяевой. Она привлекалась к дознанию по делу Харьковского комитета РСДРП²⁹.

И так повсюду... Вот Прибалтика, университетский город Юрьев (ныне — Тарту). Здесь большое влияние оказывал на учащуюся молодежь и революционно настроенных рабочих «Союзный совет объединенных землячеств» (в нем значительную роль играли нижегородец В. А. Десницкий и самарец Н. К. Пиксанов — впоследствии видные литературоведы). В 1902 году жандармы решили, что пора провести «ликвидацию» — обыски, аресты; к следствию привлекли 62 человека; в списке захваченных «вещественных доказательств» — сотни нелегальных изданий, в том числе — «Манифест Коммунистической партии», «Весенние мелодии»³⁰.

Член-корреспондент Академии наук СССР Н. К. Пиксанов в последний год жизни, пройдя уже свое 90-летие, рассказал на конференции

горьковедов о своей студенческой поре: «Когда в 1901 году опубликована была «Песня о Буревестнике», она заучена была мною наизусть, и на студенческих вечеринках я декламировал: «Только гордый Буревестник реет смело и свободно...» Призывы Буревестника революции были в числе сильнейших стимулов моего гражданского поведения»³¹.

В отличие от «Весенних мелодий» «Песня о Буревестнике», напечатанная в прошедшем цензуру журнале «Жизнь», считалась формально произведением легальным. Тем не менее, когда при обысках находили листки с этим боевым стихотворением, их приобщали к обвинительным материалам. Так, в Нижнем Новгороде у фотографа П. П. Троицкого (мы упоминали уже, что он имел нижегородское издание «Весенних мелодий») отобрали была и «Песня о Буревестнике», написанная карандашом на отдельном листке. В судебном деле она фигурирует в числе «сочинений, дерзостно порицающих установленный государственный порядок»³².

Два списка «Песни о Буревестнике» на листах почтовой бумаги можно увидеть в витрине за стеклом в музее А. М. Горького в Москве.

Надо думать, не было в те времена участников общественного движения, до которых тем или иным путем не дошел бы могучий пафос Буревестника революции.

КТО И КОГДА НАЗВАЛ ГОРЬКОГО БУРЕВЕСТНИКОМ?

В 1932 году Ромен Роллан писал: «Всем сердцем присоединяюсь к миллионам, приветствующим сегодня Максима Горького,— старого Буревестника, воспевающего бури, которые потрясают и обновляют человечество»¹. Г. В. Плеханов также написал о Горьком (в 1909 или 1910 г.): «Наш поэтический «Буревестник»². Но это образное определение места писателя в общественном процессе могло и должно было появиться еще в 1901 году, когда, непосредственно общаясь с писателем, Б. Морковин восхищенно сообщал московским товарищам: «Из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой молодой России».

Пафос «Песни о Буревестнике» легко было перенести на личность самого писателя. Цензор Елагин, которому было поручено составить справку о содержании четвертого номера «Жиз-

ни», 28 апреля 1901 года писал, имея в виду произведение Горького: «Вещь несомненно тенденциозная, если к тому же предположить, что сам Горький желает изобразить буревестника»³. Справка об А. М. Горьком, составленная тогда же в Департаменте полиции, свидетельствует, что созданный Горьким образ стали прилагать к самому писателю: «Означенное стихотворение произвело сильное впечатление в литературных кругах известного направления, причем самого Горького стали называть не только «буревестником», но и «буреглашатаем», так как он не только возвещает о грядущей буре, но и зовет бурю за собою»⁴.

О «литературных кругах известного направления» в Нижнем Новгороде, в Москве, в Петербурге жандармы хорошо знали, а слова, характеризующие Горького, взяли из перлюстрированного ими письма Леонида Андреева. 25 марта 1901 года он писал Алексею Максимовичу о его популярности среди московской молодежи: «Вас очень любят!». И тут же: «Кстати: в одном прескверном журнале «Русское обозрение» один прескверный человек — Филиппов написал статью о Вас, еще не напечатанную. Мне кое-что передавали о содержании статьи, кажется, она в Вашу пользу...

Но важно то, что этот прескверный человек нашел слово, которое так метко и удачно определяет Вас в литературно-общественном отношении, что поистине должно стать крылатым. Он назвал Вас «буревестником». А еще бы вернее назвать «буреглашатаем»... Вы не только сообщаете о грядущей буре: «Вы бурю зовете за собой...»⁵.

Значит, «буревестником» Горького назвал какой-то Филиппов — дважды «прескверный человек» — в статье, написанной им для «прескверного журнала»? К чистой, только что родившейся мелодии Буревестника примешивается гротескная нота... «Черт бы драл Филиппова! — сразу же отвечает Л. Андрееву Горький. — Я как раз о буревестнике писал недавно и написал и напечатаю... скажут, что я Филиппову подражаю...»⁶.

Реакционно-монархический журнал «Русское обозрение» был основан в 1890 году, пользовался поддержкой Победоносцева и субсидиями царского двора. В 1898 году он прекратил свое существование, «истощив силы в борьбе с равнодушием публики». Вскоре обанкротившееся издание перекупил действительно «прескверный» делец-журналист А. Ф. Филиппов. Журнал должен был возродиться на той же

реакционной основе «национального духа», но с показными попытками некоторого «либерализма». Первый номер возобновляемого журнала готовился в конце 1900 — начале 1901 года, и для него-то А. Филиппов написал статью о Горьком и Боборыкине, озаглавив ее «Буревестник». Она была набрана, очевидно, в марте, и Филиппов, рекламируя направление своего журнала, знакомил с нею всех желающих еще до выхода номера.

Первый номер «Русского обозрения» со статьей «Буревестник» (Филиппов подписал ее псевдонимом «Н. Осокин») вышел только в июне 1901 года. К этому времени «Песня о Буревестнике» была уже широчайше известна. Поэтому А. Филиппов сделал к своей статье примечание: «Обширная эта статья, часть которой мы помещаем в настоящем номере, была доставлена нам под таким оригинальным заглавием и с не менее своеобразной оценкой деятельности двух выдающихся наших писателей еще в конце прошлого года. Обстоятельства вынудили нас откладывать со дня на день печатание представленного в наше распоряжение материала, и в конце концов оказалось, что сам Горький напечатал «Песнь Буревестнику», произведение, правда, слабейшее, нежели его

«Песня Сокола», но пользующееся громадным успехом среди молодежи. Тем не менее может показаться заимствованным и само сравнение, и характеристика современного настроения». Но это, настаивает А. Филиппов, «случайное сходство в определениях разных лиц, не имеющих между собой никакой связи...»

Так и получается, что объективные, казалось бы, данные, приведенные в «Литературном наследстве» в письмах Л. Андреева, А. М. Горького, в комментариях В. Н. Чувакова приводят к выводу: автора знаменитой «Песни» впервые назвал Буревестником реакционный журналист А. Филиппов еще до того, как она получила известность...

Этот подбор документов посчитал нужным популяризировать автор заметки в газете «Южная правда». Изложив материалы «Литературного наследства», он подводит читателя к парадоксальному суждению: «Вот как было дело. Даже враги знаменитого писателя, революции, прогресса, не понимая того, в своем рвении способствовали росту популярности, величию, славе Максима Горького»⁷.

Другой комментатор (в Полном собрании сочинений М. Горького) необъяснимым образом статью Н. Осокина причислил к «марксист-

ской критике», прельстившись, очевидно, ее «выразительным названием» и тем, что некоторые вырванные из контекста фразы говорят «в пользу» Горького. С острой репликой по этому поводу выступила «Литературная газета», показав, что статья А. Филиппова, несмотря на свое «выразительное название», противостоит горьковской идее «Буревестника», и смысл этой статьи «как раз в стремлении вывести Горького за пределы революционного движения эпохи»⁸.

Весьма темпераментно пишет В. П. Владимирцев, вынесший в заголовок своей работы вопрос: «Кто и когда назвал Горького Буревестником?»⁹. Он заявляет, что А. Филиппов, называя свою статью «Буревестник», знал о только что появившейся «Песне» Горького, венчающей фантазию «Весенние мелодии». Для доказательства этого В. Владимирцев проанализировал содержание и построение весьма «заурядной» статьи Осокина-Филиппова. Начальная ее часть — орнитологическая, лишенная всякой иносказательности характеристика морской птицы: эпитафия, якобы из учебника естественной истории, и лирическое описание буревестника, который будто бы всегда восхищал автора и стал его «любимцем». Переход к основной

части сделан с помощью «механической постановки одного понятия рядом с другими»:

«Точь-в-точь Максим Горький.

При первом взгляде на него мне представился буревестник, и в чтении 4-х томов его рассказов я нахожу то ощущение, какое, бывало, испытываешь в открытом, пенящемся море».

Последующая, критическая часть статьи, как верно замечает В. Владимирцев, вовсе не увязывается с претенциозно заявленным сравнением: «Критик не назвал Горького ни буревестником революции, ни каким-либо иным буревестником в отвлеченно-переносном значении... Филиппову не удалось овладеть политически чуждой ему идеей. В пределах своего буржуазного классово-психологического мира критик оказался бессилён построить полноценный художественный образ» творчества писателя.

По мысли В. Владимирцева, Филиппов основной текст статьи о Горьком и Боборыкине написал задолго до того, как она распространилась им в целях рекламы журнала. Вероятно, после 12 марта ему попался гектографированный экземпляр или список «Песни о Буревестнике». Быстро дописав для своей статьи лирическое начало, снабдив ее броским заголовком,

Филиппов отдал эту механическую смесь в набор, и по гранкам с нею познакомились в кругах журналистов.

К сожалению, интересное и нужное выступление В. Владимирцева против «филипповщины» основывается более на интуиции, на предположениях, чем на конкретных свидетельствах. Центральное место в аргументации В. Владимирцева занимает сопоставление двумя столбиками текстов «Песни о Буревестнике» и начальной части статьи Филиппова. Действительно, на первый взгляд может показаться, что совпадения слов и словосочетаний имеются, создается впечатление, что «Филиппов заимствовал из «Песни» наиболее характерные точки словесно-зрительного образа. Соединяясь между собой, эти точки дают почти полный контур (атрибуцию) неповторимо горьковского Буревестника».

Но это не так. Стоит сопоставить текст Филиппова не с «Песней о Буревестнике», а с описанием буревестника у Брема (чего В. Владимирцев не сделал), и совершенно очевидным становится источник, которым пользовался Филиппов. Текст Брема со всей его стилистикой и лексикой почти без изменений вписан Филипповым в его статью: «То поднимается, то опус-

кается... наклоняясь то в одну, то в другую сторону, скользя над самыми волнами, будто кончики крыльев обмакиваются в воду... взвивается ввысь... проносится по воздуху с быстротою молнии... жизнерадостный... над гребнями волн...» и т. д.¹⁰. Все это в русском переводе Брема и у Филиппова — обычный литературный язык повседневной прозы, с теми фразеологическими трафаретами, которые употребит всякий грамотный человек, пишущий о море, о морской птице. Стоит ли говорить, что у Горького другой стиль, другая лексика, другой тон, другой пафос...

Хотя главный, стилистический аргумент В. Владимирцева оказался несостоятельным, подтверждается его догадка о том, что первоначальный замысел статьи для «Русского обозрения» не был связан с буревестником. Это следует из найденного нами печатного объявления, которое рассылалось еще в конце 1900 года. В нем рекламировалось содержание будущего первого номера «Русского обозрения», в числе обещанных статей фигурирует: «Два таланта. Максим Горький и (Боборыкин) — критический очерк Арс. Введенского»¹¹. Именно так — Боборыкин в скобках, то есть тема статьи была неясна, предполагаемый автор

критик и библиограф А. И. Введенский резервировал, очевидно, возможность обратиться к другому сопоставлению или обойтись без него. Позднее он, по-видимому, отказался от участия в журнале, и Филиппову пришлось писать статью самому.

Тут ему могло подвернуться нелегальное издание или список «Весенних мелодий». Мы уже знаем, что первая редакция появилась не позднее 20 марта, видели, как стремительно распространялось произведение Горького. Долго ли было привезти экземпляры новейшего произведения в Москву? И вот о «творении» Филиппова узнает Л. Андреев, он пишет Горькому: Горький — буревестник...

Версия В. Владимирцева еще требует доказательств, очевидно, не все архивные ресурсы тут исчерпаны. Но общий вывод о «литературной мистификации» Филиппова важен и правилен: «Жандармы узнали о том, что писателя именуют буревестником революции, отнюдь не из статьи Осокина-Филиппова, но из письма Андреева... Еще до того, как Л. Андреев из устного источника узнал о якобы «найденном» Филипповым слове «буревестник» для определения Горького, оно уже бытовало в среде революционной молодежи, располагавшей

неопубликованным текстом «Песни о Буревестнике» и резонно сближавшей ее героя с личностью автора...»

Вот как было дело...

С ТИПОГРАФСКОГО СТАНКА

Появление «Песни о Буревестнике» в журнале «Жизнь» с разрешения цензуры было для блюстителей российской печати крайне неприятным, надолго запомнившимся казусом. В феврале 1902 года, сообщая в Главное управление по делам печати о «безусловно предосудительном» направлении газеты «Курьер», Московский цензурный комитет все еще переживает «выходку», «неблаговидный поступок» редакции, осмелившейся представить на рассмотрение «Весенние мелодии»: «...весной истекшего года, во время студенческих волнений, «Курьер» пытался напечатать известную «Песню о Буревестнике», которая в нем и появилась бы в первый раз, если бы не была запрещена»¹. Эти строки в деле цензурного ведомства кем-то жирно отчеркнуты на полях и помечены знаком «нота бене».

Чем более старались власти «закрыть»

произведение Горького, тем более оно распространялось нелегальными путями. К тому, что гектографировалось и копировалось в России, добавлялись издания, выходившие на русском языке за рубежом.

Уже в мае 1901 года «Весенние мелодии» были напечатаны в Женеве, в журнале «Рабочее дело». Редакция сделала примечание: «Рукопись этой «фантазии» циркулировала в России в гектографированном виде».

Три сборника с «Весенними мелодиями» вышли в Берлине: М. Горький. Запрещенное (1901, повторено в 1905 г.); М. Горький. Три рассказа. Воспрещены русской цензурой (1902); М. Горький, Л. Н. Толстой, Н. Щедрин. Три революционные сатиры (1904). Комитет цензуры иностранной, если к нему попадала на рассмотрение такая брошюра, неизменно выносил резолюцию: «К обращению в русской публике дозволена быть не может»².

Тем не менее эти брошюры, тайком привезенные из-за границы, получали распространение в России. На них даже появлялись отзывы в прессе. Так, газета «Одесские новости» 15 февраля 1902 года поместила статью «Новинки Горького (От нашего берлинского корреспондента)». В ней рассказывается о том,

Брошюра, изданная в Берлине в 1902 г.

как в Германии наперебой переводят рассказы Горького, печатают их в газетах, в собрании сочинений. «Из новинок Горького,— сообщает автор,— не знакомых русской публике, я отмечу здесь раньше всего небольшую вещицу «Весенние мелодии», заканчивающуюся той «Песней о Буревестнике», которая появилась в свое время в «Жизни»... Как у Аристофана, героями являются птицы. Слышится подражание бессмертным сказкам Шедрина; нечто подобное мы встречали уже у Горького в его рассказе о чиже и дятле». Как видим, писал человек, знающий творчество Горького. Статья подписана буквами «М. С-ов». Можно с полным основанием полагать, что это М. Сукенников, который принимал участие в берлинских изданиях запрещенных произведений Горького. М. Сукенникову принадлежит послесловие к берлинской брошюре «Три рассказа» М. Горького.

Интересно, что краткое изложение статьи М. Сукенникова из «Одесских новостей» напечатал 3 марта 1902 года «Нижегородский листок». Так русская публика узнавала о запрещенных в России и изданных за границей произведениях русского писателя.

«Песня о Буревестнике» нередко приходила к русским читателям из-за границы.

Журнал «Жизнь», закрытый властями в 1901 году, ровно через год после публикации «Песни о Буревестнике» возобновил свое издание в Лондоне. Нелегальная доставка журнала в Россию была хорошо налажена. Первый лондонский номер (апрель 1902 г.) открывается статьей «Освобожденная жизнь». Мысль передовицы сводится к тому, что «запрещенное слово падает на весы истории тяжелее слова разрешенного и что оно, в настоящее время, является для России самым целесообразным орудием революционной борьбы. Но скоро грянет буря, и мы радостно вступим в ряды борцов, проливающих свою кровь за освобождение родины и человечества». Далее приводится вся вторая половина «Песни о Буревестнике» (со слов: «Гром грохочет. В пене гнева...»), вписывается в концовку статьи гордый горьковский призыв: «Пусть сильнее грянет буря!»

В 1902 году в Женеве вышел сборник «Песни борьбы» (издание Союза русских социал-демократов). В разделе «Из весенних мотивов 1901 года» — стихи и песни, откликавшиеся на недавние события в стране. Заключительная страница сборника — «Песня о Буревестнике». Книжка эта широко расходилась в России, ее рекомендовала своим читателям-

рабочим ленинская «Искра». Также широко пошел составленный в 1905 году В. Перовой (В. М. Величкиной-Бонч-Бруевич) сборник «Перед рассветом» (издание РСДРП, Женева). Это богатейший подбор накопленных к тому времени произведений революционной поэзии. Здесь на страницах 99—100 — «Песня о Буревестнике».

А между тем и в России «Песня о Буревестнике» нет-нет да и появлялась в печати легально. Ее удалось поместить в 5-м томе «Рассказов» М. Горького (издательство «Знание»); вышел он в конце 1901 года. А в феврале 1902 года В. И. Ленин, находившийся в Германии, пишет родным: «Маняшу еще раз благодарю за книги: я получил все. Горького 5-й том у нас уже (случайно) имеется...» В другом письме (июнь 1902 г.) В. И. Ленин сообщает: «...Горького, Скитальца получил и читал с *очень большим* интересом. И сам читал и другим давал»³.

Известно, что «Песня о Буревестнике» была одним из любимейших произведений Владимира Ильича. Об этом писала Н. К. Крупская: «Кто прочтет эту песню, поймет, за что так полюбил Горького Ильич, за что полюбили его так рабочие массы»⁴.

Том 5-й сочинений М. Горького с «Песней о Буревестнике» в 1903 году переиздавался шесть раз. По цене такие книги были мало-доступны широким массам, поэтому цензура не препятствовала их появлению. Но вот издательница Мария Малых попыталась дать «Буревестник» для широкого читателя по доступной цене. Петербургская цензура предложила печатать лишь «роскошным изданием с рисунками по рублю за книжку» и запретила «десятикопеечную серию», которая «расходится по фабрикам и заводам»⁵. Обращение в цензуру в Москве и Нижнем Новгороде также не дало результата, и лишь в Риге, после долгих хлопот, книжку разрешили. В нее вошли «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе», два стихотворения Н. Тана, одно — Р. Киплинга. Эта небольшая брошюра (их называли тогда «мотыльками») появилась немалым для тех времен 5-тысячным тиражом в мае 1902 года. На обложке эмблема революции: величественная женщина с горящим факелом в одной руке, с развернутым знаменем — в другой.

Рижскому цензору за разрешение брошюры было поставлено на вид: «Каждая из названных песен заключает в себе более или менее резко выраженную идею борьбы передовых двигате-

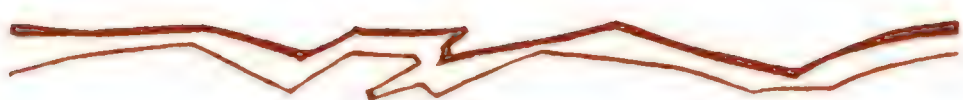

лей человечества, стремящихся уничтожить старые отжившие начала и заменить их новыми... Обратить на будущее время особенное внимание на брошюры госпожи Малых... ввиду их крайне низкой цены»⁶.

10 декабря 1902 года на сборник М. Малых отозвалась выходившая в Астрахани «Прикаспийская газета»: со страниц его веет «неодолимым стремлением к свету, жгучей надеждой и свежей бодростью... Горячий призыв к борьбе сквозит в его каждой строке. Это песенник борьбы с тьмой».

Редкий экземпляр брошюры «М. Горький. Песня о Буревестнике» с автографом М. Малых имеется в книжной коллекции Г. В. Плеханова в Ленинграде.

Весьма энергично, прибегая нередко и к подкупу цензоров, действовало издательство Н. Е. Парамонова «Донская речь» в Ростове-на-Дону, наполнявшее всю Россию литературой «тенденциозного» содержания. В 1903 году «Донская речь» напечатала «Песню о Буревестнике» в составе сборника «Зарницы», в котором были еще стихотворения П. Якубовича, С. Ски-тальяца и Н. Тана. Сборник вышел в количестве 30 тысяч экземпляров, и стоила книжка пятачок!

Цензурная история сборника «Зарница» необычна. Представление инспектора по делам печати в Ростове-на-Дону о наложении ареста на брошюру сделано было только в 1910 году, когда по делу издательства Парамонова шло длительное судебное следствие. Требование об аресте брошюры мотивировалось тем, что стихотворения подобраны тенденциозно и в сборнике явны «признаки возбуждения к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению общественного строя». Но в 1913 году определением Новочеркасской судебной палаты арест, наложенный на сборник «Зарницы», был отменен⁷. Действительно, бессмысленно было размахивать мечом Немезиды, когда книжка уже давным-давно разошлась в народе.

В 1905 году, когда бурлила народная Россия, цензура не всегда решалась «прижимать» издателей, а потом с ней и вовсе перестали считаться. Так, выходит в свет сборник «Песни свободы» (Библиотека для всех, СПб., 1905). Здесь несколько произведений Горького, в том числе «Весенние мелодии». Тут осмелели и газеты. 16 июля «Самарский курьер» об этом сборнике сообщил как о примечательном факте и перепечатал из него «Весенние мелодии» вместе с «Песней о Буревестнике». 21 июля

рассказ дала со ссылкой на «Самарского курьера» газета «Киевские отклики» (без «Песни о Буревестнике»). 1 октября рассказ напечатала газета «Уральская жизнь».

Дважды появлялась «Песня о Буревестнике» в 1906 году: в немалом по объему сборнике «Песни борьбы» (московское издательство «Молодая Россия») и в двухкопеечной книжке-«мотыльке» «Дешевой библиотеки товарищества «Знание» (№ 1) — вместе с «Песней о Соколе» и «Легендой о Марко».

Но есть и примеры решительных действий цензуры против стихотворения М. Горького, получившего уже широчайшую известность.

В начале 1903 года была изъята из февральской книжки журнала «Русская мысль» рецензия на 5-й том произведений М. Горького. Вырезанные листы были затем уничтожены, о чем составлен надлежащий протокол⁸.

В апреле 1904 года Алексей Максимович сообщал Е. П. Пешковой, что до выхода в свет подготовленной П. Я. Якубовичем антологии «Русская муза» цензура вырезала «Песню о Буревестнике» и предупредила издателя, что впредь не будет разрешать ее к печати⁹. Только в издании 1908 года П. Якубович смог включить «Песню о Буревестнике» в «Русскую музу».

№ 200

1910

ДЕЛО

00 ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦИИ.

ДЕ-ПРОСНОВО-ДЕТНО.

*Оператор: Алексей Максим
Горький (псевдоним
Максим Горький)*

11

Всего _____ 1910 г.

Копчено _____ 19 г.

Вз 161 Листах.

542

Документы о полицейских преследованиях А. М. Горького

В марте 1906 года, в самый разгар революции, С.-Петербургский цензурный комитет не позволил печатать брошюру «Стихотворения М. Горького». Здесь «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе». В цензурном деле — корректурный оттиск и самая суровая мотивировка запрета: статья 129-я уголовного уложения, каравшая за возбуждение «к учинению бунтовщического или изменнического деяния», «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя»¹⁰. Другой пример этого рода — сохранившаяся в делах Московского цензурного комитета рукопись «Песни борьбы»; 13-м номером здесь помещена «Песня о Буревестнике»¹¹.

История распространения даже отдельно взятого произведения передовой литературы поучительна. В русском революционном движении большое внимание уделялось действенной силе художественной литературы, боевое ее использование характеризуется впечатляющей масштабностью. В это дело вложили свои усилия, свою страсть сотни, тысячи людей — остро ощущавшая гнет российской действительности учащаяся молодежь, пропагандисты социал-демократы, передовые рабочие, «идейные» издатели, революционеры в эмиграции.

Вряд ли можно сосчитать, в каких количествах разошлась в массе населения «Песня о Буревестнике». «Вероятно,— писал Е. Ярославский,— тираж «Буревестника» в те годы равнялся нескольким миллионам»¹².

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРИЗНАНИЯ, БОЕВОЙ ПОРЫВ

Суждение о прочитанном, занесенное в дневник, сообщенное другу в письме, воспоминания о восприятии и воздействии произведения, о формах его бытования — не часто литературоведы пользуются таким своеобразным материалом. А между тем именно эти свидетельства читателей позволяют точнее определить социальную функцию творения литературы, эстетическое и нравственное его содержание, его место в историческом процессе. Представление об этом будет не умозрительным, а живым, конкретным, если мы войдем в мир переживаний, чувств и мыслей человека, если увидим, как они становятся действенной силой.

О восприятии, о воздействии «Песни о Буревестнике» сохранилось немало интересных, волнующих свидетельств.

«Весенние мелодии», прочитанные автором в кружке нижегородской молодежи, сразу же произвели сильнейшее впечатление. Б. Морковин 6 апреля в упомянутом письме Л. Булкиной в Москву сообщал: «...вещь привела нас всех в восторг. «Весна» характеризует современный момент возрождения... Написано очень хорошо. Хороша «песнь буревестника», которую поет чиж».

Можно себе представить также чувства людей, собравшихся у стен нижегородской тюрьмы вечером 23 апреля. Прошла почти неделя, как были засажены в тюремный замок Горький, Скиталец и их молодые друзья. И вот из окон тюрьмы доносятся песни Скитальца о Волге, о свободе, звучит только что взлетевший над Россией призыв «Пусть сильнее грянет буря!»¹.

Песня Горького помогала придать политическим лозунгам эмоциональный пафос, революционная агитация учитывала силу воздействия художественного слова. «Песню о Буревестнике», как и «Песню о Соколе», вспоминает А. Белозеров, «сотни и тысячи пролетариев заучивали наизусть, они были обязательным номером в любой общественной вечеринке, их декламировали с рабочих сцен, в кружках, на собраниях и митингах»².

«Песня о Буревестнике» помогала молодым участникам общественного движения сохранять стойкость и веру в свое дело при всех трудностях и сложностях борьбы. Так следует понять артиста Московского художественного театра В. Э. Мейерхольда, когда он в письме от 6 мая 1901 года, стараясь подбодрить своего петербургского товарища студента горного института А. Тихонова, пользуется словами из стихотворения Горького: «Неужели море теряет в Ваших глазах обаяние и силу, раз оно знакомо с часами затишья? «Пусть сильнее грянет буря», и море зашумит...» Тут В. Э. Мейерхольдом сделана приписка: «Читали апрельскую книжку «Жизни», читали «Буревестник» Горького?»³.

А вот выдержки из дневника петербургской курсистки; из них видно, как в становлении революционного сознания свою роль играет образ, созданный Горьким:

«24 марта 1902 года. Я выучила наизусть «Буревестника» и уже чувствую, с каким подъемом я его буду говорить на вечеринке. Как хорошо Горький улавливает то, что висит в воздухе! Пахнет большой очистительной бурей. Все эти студенческие демонстрации, все эти протесты либералов, ведь это только начало...

3 октября. Я окончательно решила то, что у меня уже давно назревало. В такое время нельзя жить только для науки. Она поможет переустройству жизни, но еще надо долго и упорно бороться за ее право на это. Я записалась в эти борцы — будь что будет...»⁴.

А были тюрьмы, ссылки. И тут «Песня о Буревестнике» несла узникам царизма свой дух неукротимости и воли к борьбе. Профессиональная революционерка С. Н. Смидович рассказывает:

«Это было летом 1901 года. В первый раз я сидела в Пречистенском арестном доме по делу Московского комитета. Жадно ловили мы каждую весточку, которая свидетельствовала, что там, на воле, основательно расшатываются основы самодержавия... Стали разговаривать через окна друг с другом... Было решено устроить литературный вечер. Читали Пушкина, Рылеева, Некрасова... Самой волнующей частью были отрывки из произведений Горького, одно имя которого воспринималось тогда как символ борьбы... Тут впервые я познакомилась с «Буревестником», которого принес в тюрьму кто-то вновь пришедший в нашу тесную среду с воли...»⁵.

С юношеских лет участвовал в революцион-

ном движении М. Г. Розанов, будущий писатель Н. Огнёв, — сидел в тюрьмах за печатание нелегального журнала, работал в подполье. И для него крылатое творение М. Горького значило очень много: «Наше тяжкое детство приняло «Песню о Буревестнике» как призыв к протесту и борьбе... Горький бунта и бури стал нашим знаменем на долгие годы»⁶.

А вот свидетельство революционера-рабочего М. Багаева — одного из руководителей социал-демократической организации Иваново-Вознесенска: «Томики Горького стали настольной книгой каждого читающего рабочего. С «Песней о Буревестнике» мы почувствовали в Максиме Горьком не только писателя, но и революционера. Эту песню мы, рабочие-революционеры, выучили наизусть и пожелание его: «Пусть сильнее грянет буря!» — осуществили в 1905 году»⁷.

«Песня о Буревестнике» воспринималась участниками освободительного движения как характерная часть творчества М. Горького, через нее ощущалась революционная направленность, побудительный пафос других его произведений. Петр Заломов, говоря о действенности творчества любимого пролетарского писателя, называет Челкаша, сердце Данко, Сокола.

«Во времена революционного подполья,— пишет он,— мы, революционные марксисты-рабочие, на вес золота ценили ту легальную литературу, с помощью которой возможно было воспитывать чувство протеста, чувство ненависти к господству царя, помещиков, капиталистов... Произведения Алексея Максимовича Горького имели для нас огромную цену. В художественной форме они воспевали великодушие, отвагу, самоотверженность, гордое чувство человеческого достоинства, прямоту, честность... «Песня о Буревестнике» являлась уже прямым призывом к революции, и не понимать этого могли разве только глупые царские чиновники и жандармы»⁸.

Впрочем, чиновники и жандармы это понимали, отбирая при обысках и арестах гектографированные экземпляры «Весенних мелодий» и списки «Песни о Буревестнике». А вот еще примеры бдительности «блюстителей порядка». Сообщение в газете «Волгарь» о концерте на семейном вечере рабочих-печатников в Нижнем Новгороде в декабре 1904 года: «Начинается первое отделение. Читают «Буревестника», «Лес рубят, молодой, зеленый лес...» Полиция переговаривается с распорядителями — и вечер объявляется закрытым»⁹. В Херсоне в июле

1905 года после чтения А. Закужняком «Огоньков» Короленко и «Песни о Буревестнике» Горького началась революционная демонстрация. А. Закужняк, находившийся в то время на военной службе, был «выдержан под арестом в течение тридцати суток»¹⁰.

Образ Буревестника в период революции нередко встречается в партийной публицистике. Минская газета «Северо-Западный край», принявшая в 1905 году под влиянием большевиков боевое направление, 30 октября откликнулась на подъем народной революции строками из «Буревестника»:

...не скроют тучи солнца!
Нет, не скроют!

«И скоро,— писала газета в том же образном ключе,— вслед за пронесшимся уже буревестником из пучин всколыхнувшегося моря народного поднимутся те, кого вы сегодня, в своем ослеплении, считаете «посторонними», и грозно скажут вам: — Прочь с нашего пути. И всколыхнувшееся море выплеснет вас из своих берегов».

Свидетельством повсеместной известности и действенности образов М. Горького явилась передовица В. И. Ленина для газеты «Пролета-

рий», напечатанная 21 августа 1906 года. Статья называется «Перед бурей». В. И. Ленин завершает ее словами:

«Мы стоим, по всем признакам, накануне великой борьбы... пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рвется в самую гущу битвы. Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утесах».

«Пусть сильнее грянет буря!»¹¹.

В. И. Ленин обращается не только к героическому пафосу «Песни о Буревестнике», для него важна и выразительная антитеза, годная для обличения реакционных сил. Применимость образов «Песни» к конкретной политической обстановке в данном случае — публицистический прием. Для восприятия образов «Песни о Буревестнике» в этот период острых классовых схваток как раз характерны были расшифровки, стремление увидеть в яркой картине бури аналогию тогдашним политическим событиям и расстановке борющихся сил. «И разве не тот же пролетариат, — заявляет П. Заломов, — изображен в виде буревестника, который смеется над бурей, который весь — нетерпеливо-страстное, напряженнейшее ожидание бури»¹².

Такие расшифровки прямо, непосредственно связывались с политической литературой социал-демократов, использовались в работе с массами. «Песня о Буревестнике» была нужна, чтобы эмоционально интерпретировать революционную ситуацию, дать ей возвышающую оценку, воодушевить читателей поэтическими средствами, эстетически обогатить представление о переломном, остром, решающем моменте общественного движения и о месте отдельной личности в «битве жизни». Очень правильно писала в декабре 1901 года газета «Минский листок»: «Такие произведения, как «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «Песня о Буревестнике», показывают, до какой высоты может вознестись истинно глубокий, идейный символизм, если он является не антитезой, а расширением, одухотворением реальной, жизненной правды».

«Идейный символизм» горьковского стихотворения все более широко и полно воспринимался с годами. Пафос Буревестника ободряюще звучал в душах людей и в пору наступившего после 1907 года черносотенного разгула. А. С. Макаренко работал в это время в железнодорожной школе, где, как он вспоминает, «воздух был несравненно чище, чем в других мес-

тах», где было «настоящее пролетарское общество». «И для меня,— пишет он,— и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории и приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря!»¹³.

Е. Ярославский в 1907 году, после возвращения с V (Лондонского) съезда партии, был арестован. В печально знаменитой петербургской тюрьме «Кресты» он делал товарищам по заключению доклады о съезде, а также читал стихотворение, в котором громил меньшевиков. Написал он его в подражание «Буревестнику»:

Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Громко песня раздается —
Большевик поет ту песню.
В этой песне жажда боя
И уверенность в победе.

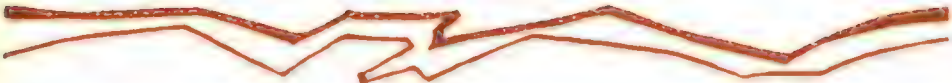
Далее в язвительно-пародийном плане изображены лидеры меньшевизма — Аксельрод, Мартов, Плеханов с их призывами к «легальности», «умеренности»¹⁴.

Эта вещь имела огромный успех у заключенных большевиков и, наверное, не только потому, что в ней нашла остроумное воплощение злободневная политическая полемика: ритм и образность всем известной «Песни о Буревестнике» призваны были подкрепить истинно революционную, боевую позицию большевиков.

Другой сходного рода пример восприятия боевого, оптимистического пафоса «Песни о Буревестнике». В. В. Куйбышев в 1910 году, отправляясь в ссылку в Нарымский край, написал стихотворение «Море жизни».

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам...
Наслаждение мыслью смелой
Понесем с собою в бой,
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой...¹⁵

И эти непритязательные сами по себе стихи помнили, заучивали, пели — дорог был их

горьковский дух, узнавались горьковские образы...

Наступил новый революционный подъем. «Буревестник» снова нес людям уверенность в победе.

Спасские казармы в Нижнем Новгороде. Пасхальные дни 1912 года. Построен во дворе помост, будет для солдат представление, выступят клоуны и рассказчики анекдотов. Но вот что, по рассказу очевидца, произошло:

«На помосте появился ефрейтор Полушкин. В расстегнутой шинели, окинув злыми глазами собрание, где, кроме солдат, были офицерские жены, дворянские семьи, офицеры и полицейские чины, Полушкин громко и отчетливо начал:

Над седой равниной моря

Ветер тучи собирает.

Между тучами и морем

Гордо реет Буревестник.

— Отставить! Снять!.. — не своим голосом заорал полковник. Произошло замешательство. Фельдфебели бросились к помосту. Полушкин отошел от края помоста и, повышая голос, читал: «Гордо реет Буревестник, черной молнии подобный!»

...Фельдфебели все-таки стащили его с помоста и вели прочь, взяв под руки... Всю весну ефрейтора Полушкина хвалили за то, что он решился декламировать «Буревестника»...¹⁶.

Для России было чрезвычайно важно, с кем и против кого пойдет через несколько лет человек с ружьем.

В то время, когда буржуазная критика объявила «конец Горького», твердила, что творчество его устарело, выдохлось, демократический читатель именно в Горьком видел своего, нужного ему художника, «поэта борьбы». «Где вы — те, которые похоронили его? — пишет о Горьком читатель-рабочий. — А, испугались нашего Максима и заживо кладете его в гроб. Конечно, для вас он страшен. Вам он чужд. Мы, рабочие и крестьяне, родили его из своей народной души, вложили в него дар слова, которым он вел нас, вдохновлял отстающих, будил спящих...»¹⁷.

В 1914 году в связи с возвращением Горького в Россию многие рабочие организации обратились к нему с приветствиями. В письмах, адресах часто упоминаются «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». Эти песни «всегда и в особенности в тяжелые минуты жизни ободряли нас»¹⁸.

«БУРЕВЕСТНИК» В МУЗЫКЕ

Не удивительно, что «Буревестник» уже в первые годы своей жизни обретает музыкальную форму. Ведь Горький-поэт нашел для своей романтически грандиозной картины моря не только удивительную палитру красок, но и мощную гамму звучания. Птица бури победно кричит, смеется над тучами, рыдает от радости. Чайки и гагары стонут, стонут и волны. Море гневно ревет, воет ветер, грохочет гром. Музыка вольно дышится в этой необыкновенной динамике, в непрерывном крещендо, в подчеркнутом ритме стиха.

Осенью 1903 года в С.-Петербургский цензурный комитет была представлена на разрешение нотная тетрадь «Песнь о Буревестнике». Мелодекламация. Слова М. Горького. Музыка Ренчицкого. Посвящается автору текста». Тетрадь не возвратили, она хранится в архиве с резолюцией: «К исполнению признано неудобным». Цензор нашел, что названное произведение — «весьма значительное по объему и преследующее единственную цель — возбуждение умов аллегорической формой протеста»¹. О запрещении мелодекламации Ренчицкого С.-Петербургский цензурный комитет сообщил вско-

ре Московскому цензурному комитету, чтобы произведение это, не дай бог, не было издано с разрешения цензуры в другом месте².

Но в годы первой русской революции, не считаясь с запретом, композитор самостоятельно издал и распространил ноты к мелодекламации «Буревестника». С этим аккомпанементом стихотворение успешно исполнялось в концертах. Московское охранное отделение завело тогда особое дело против артиста Художественного театра Адашева: он «в угоду сторонникам антиправительственного направления» не раз исполнял мелодекламацию Ренчицкого «в крайне тенденциозном духе, для чего старался интонацией голоса как можно ярче подчеркнуть наиболее соответствующие такому характеру фразы»³. Сейчас издание Ренчицкого можно увидеть в Музее А. М. Горького в Москве.

Есть сведения еще об одной музыкальной пьесе на текст «Песни о Буревестнике». Ее Горький в письме от 20 октября 1904 года обещает прислать Е. П. Пешковой — «говорят, хорошую вещь, сочиненную каким-то чертом»⁴. Речь идет, очевидно, о Евгении Вильбушевиче. Это был молодой композитор и пианист, преподаватель Петербургской консерватории, близкий друг и постоянный аккомпаниатор

артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова. «Не нравились полиции наши концерты в помощь общественным организациям,— вспоминал Н. Н. Ходотов.— Цензура давила на горьковские «Буревестник» и «Песню о Соколе»⁵.

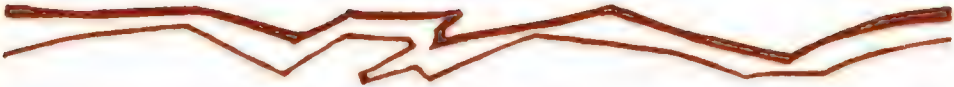
Тогда же, в период революционного подъема, работал над кантатой «Песня о Буревестнике» Я. В. Вейнберг, ученик С. И. Танеева. О характере сочинения можно судить по письму композитора С. И. Танееву от 13 мая 1904 года: «Недавно я окончил фантазию для баса соло, хора и оркестра на текст «Песни о Буревестнике» М. Горького... Теперь, летом, я хочу заняться инструментовкой ее и, прежде чем приступить к этой работе, очень бы хотел знать Ваше мнение о пьесе... Три месяца тому назад, пред отъездом из Москвы, я советовался об этой пьесе с автором текста, и он очень одобрил мою мысль наглядно олицетворить героя и толпу в образе солиста и хора. Слова, относящиеся к обрисовке Буревестника, исполняет солист-бас; остальное — картину приближающейся бури, страх всего живущего перед стихией — я поручил хору»⁶. Рукописное собрание Я. Вейнберга, умершего в 1958 году в США, передано его вдовой Советской стране. В одном из музы-

кальных архивов и находится вполне законченная партитура кантаты.

«Песню о Буревестнике» для фортепиано с сопровождением мелодекламации написала в период революции Е. Г. Безродная. Она училась в Петербургской консерватории, была близко знакома с П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, А. И. Рубинштейном. Пьесу Е. Г. Безродной в 1906 году выпустила в продажу нотопечатня известного музыкального деятеля В. В. Бесселя. Ноты эти не сохранились в библиотеках СССР. Немало усилий для их розыска приложили белорусские краеведы — после Октября Е. Г. Безродная преподавала музыку в Мстиславле. В частично сохранившемся семейном архиве нашлись и ноты «Песни о Буревестнике» — с посвящением Алексею Максимовичу Горькому⁷.

В 1910 году важное событие произошло в театральной жизни Москвы. Молодой Евгений Вахтангов рискнул поставить инсценировку все еще запрещенных «Весенних мелодий» силами учащихся драматических курсов Адашева. «Вечер, чтобы не плакать» — так назван был спектакль. В течение четырех дней ноября звучат в школе артистов разговоры птиц, и Чиж поет прославленную песню. В феврале 1911 го-

да состоялись еще два представления в Армянском кружке. Исследователь горьковской драматургии Б. Бялик так описывает ход и своеобразие этого необычного спектакля:

«На сцене была возведена крыша, загороженная заборчиком, который проходил через рампу (между крышей и заборчиком танцевали девушки в газовых покрывалах, певшие песню ручья)... Актеры были загримированы и одеты «по-человечески», а ходить должны были по крыше и говорить птичьими голосами,— задача сатирического раскрытия социальных характеров сочеталась здесь с веселой театральной буффонадой. Напомним, что в «Весенних мелодиях» реальное содержание аллегорических образов было почти ничем не прикрыто Горьким — и в «пуганой вороне», нудно каркающей «Фа-акт, фа-акт!», и в «надворном воробье», который с виду казался либералом, но был, в сущности, птица «себе на уме», и в «действительном статском снегире», важно изрекающем: «заметим, понюхаем, разберем», — в них во всех не трудно было распознать конкретных представителей российского самодержавного птичьего царства. Своеобразным театральным приемом молодые режиссеры окончательно обнажили социальный смысл этих аллегорий, сохра-

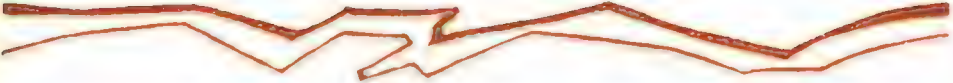
няя всю их беспощадную сатирическую остроту»⁸.

Сатирическую остроту «шуточного школьного спектакля» хорошо приняла театральная критика. Вахтангов вклеил в свой альбом вырезок отзыв из «Рампы»: «Прекрасное впечатление оставляет инсценированная «Весенняя мелодия» Горького, на постановку которой, по заявлению остроумного конференсье, получено специальное разрешение ездившей на Капри делегации. Все птицы, собравшиеся на крыше: ворона-городовой, галка, генерал-грач, голуби — гимназист и гимназистка — сыграны очень талантливо...»⁹.

СЛОВО ГОРЬКОГО БРАТСКИМ НАРОДАМ

Казалось бы, неповторима, непередаваема на другом языке счастливо найденная М. Горьким поэтическая форма этого стихотворения. Но переводы его появляются незамедлительно — на Украине, на Кавказе, в Прибалтике и других местах.

Мы уже видели, как широко распространялись на Украине гектографированные издания «Весенних мелодий». Но напечатать ле-

гально на украинском языке хотя бы «Песню о Буревестнике» было нельзя. Особым циркуляром Главного управления по делам печати запрещалось издавать произведения русских авторов в переводе на «малороссийское наречие». Понятно поэтому, что первые переводы «Буревестника» на украинский язык появляются в тех частях Украины, которые были отторгнуты Австрийской империей,— в Галиции, на Буковине.

В 1901 году, сразу после появления «Песни о Буревестнике» в России, произведение Горького было напечатано во Львове в «Літературно-науковом віснику», одним из редакторов которого был Иван Франко. Есть сведения, что писатель получил «Весенние мелодии» из Киева, где университетская студенческая организация размножила фантазию Горького на гектографе. Но нередко произведения Горького доставлялись во Львов не из России, а из Берлина, Штутгарта, Женевы. Это объясняется теми препятствиями, которые намеренно создавали на границе власти России и Австро-Венгрии при транспортировке литературы. И. Франко в 1902 году именно из Берлина получил уже упоминавшееся нами издание «Три рассказа. Воспрещены русской цензурой». Книжку

эту ему прислал М. Сукенников с надписью: «Д-ру Ивану Франко от автора послесловия»¹.

Позднее, в 1903 году, И. Франко в предисловии к драме Горького «Мещане» (вышла в Черновицах в переводе Маруси Полтавки) дал хорошее объяснение той особой популярности, которой пользовались произведения Горького. «Цель, идеал,— размышлял украинский писатель,— русская молодежь уже имела, найдя ее в научной теории Маркса, но при этом она еще нуждалась в поэтических образах, в которых был бы воплощен этот желанный идеал... Вот в этом-то отношении и помог Горький. Он дал образы высокой художественной ценности, дал ей поэтическое вдохновение, провозгласил призыв к борьбе и представил самую поэзию борьбы... Борьба — это современная действительность русского общества, она сама в себе содержит много высокой поэзии, а глубину ее, ее пленительность раскрыл Горький. Уже раздаются первые аккорды начавшейся борьбы, решающее сражение еще не началось, но жертвы уже падают, за ними еще более многочисленные ряды рвутся к бою, а над этим всем молнией витает дух Горького, «и рыдает, и смеется! Он над бурей смеется, он от радости рыдает!..

Пусть сильнее грянет буря!» Вот клич Горького, клич могучего богатыря»².

Интересно, что о переводах Горького, появлявшихся на Западной Украине, писали газеты России. Так, «Волгарь» 20 ноября 1903 года, ссылаясь на «Киевскую газету», сообщал, что на украинский язык переведены «На дне», «Мещане», «Песня о Буревестнике».

Буковина также была центром популяризации произведений Горького. Здесь появился перевод «Весенних мелодий», сделанный В. Симовичем. Опубликован он в газете «Буковина» в июне 1902 года с пояснением, что сделан с берлинского издания рассказов Горького «Запрещенное». А в январе 1904 года в той же газете появился перевод «Песни о Буревестнике» Маруси Полтавки (или Козачки, псевдонимы поэтессы М. А. Виноградовой). Оба раза «Буковина» печатала Горького на первой полосе³. Переводчикам не удалось соблюсти правильность стихотворного размера «Песни», но общий ее боевой тон и призывный пафос читателем ощущается.

Революция 1905—1907 годов и на Украине ослабила власть цензуры. Появляются два новых перевода «Буревестника». Один принадлежит В. Резниченко («Над розлогим сівим мо-

рем...»), он печатался в украинском чтеце-декламаторе «Розвага» (Киев, 1905). Другой перевод — П. Копельгородского («Над безоднею морською...»), он появился в такого же назначения сборнике «Досвітні огні» (Киев, 1908)⁴.

Так и на украинском языке «Песня о Буревестнике» легализовалась, стала явлением украинской поэзии. Образами ее мыслил, например, Павло Тычина, ученик Черниговской семинарии, посещавший подпольные «субботы» М. Коцюбинского. В стихотворении 1911 года «Как мы писали письмо М. Коцюбинскому» начинающий поэт передал бунтарский дух учащейся молодежи, просил Коцюбинского приветствовать от их имени М. Горького. И Горький представляется молодому автору Буревестником:

...Вздымает

Валы и бьется в берег напролом

Седое море. Буревестник косо

Сверкает там разогнутым крылом...⁵

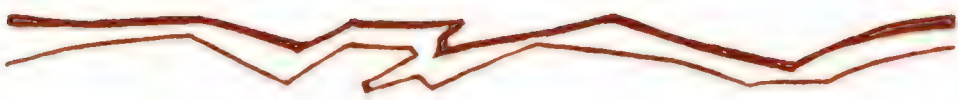
Царское правительство с особой злобностью подавляло культуру и вольнолюбивый дух армянского народа. Но «Песня о Буревестнике» появлялась на армянском языке не однажды; нередко она приходила к российским армянам

в изданиях, печатавшихся за пределами империи. Аветик Исаакян пишет: «В 1901 году я был на Западе, когда мне попалась «Песня о Буревестнике»... Я тут же перевел и напечатал в зарубежных армянских газетах... Факт этот я отмечаю с особой гордостью. Это изумительное произведение нашло большой отклик в армянском обществе, я получал восторженные письма, на армянских литературных вечерах везде читали «Песню о Буревестнике»⁶.

Перевод А. Исаакяна появился в июне 1901 года в газете «Дрошак» («Знамя»), издававшейся в Женеве. Переводчик подписался словами: «Ай-Гусан» — «армянский певец».

Армянские библиографы учли и последующие многочисленные переводы «Песни». В 1902 году «Буревестник» был напечатан в журнале «Тораз» («Образец») в переводе Ашота Хумаряна. В 1904 году дважды появились на армянском языке «Весенние мелодии», в том числе в болгарском городе Руцук (ныне г. Русе). В 1906 году «Песня о Буревестнике» помещена в армянской газете, выходившей в Тифлисе; в том же году — в еженедельнике, издававшемся в Бостоне, она переведена с английского перевода А. Блеквела. В 1907 году «Буревестника» перевел и напечатал в Нахичевани-

на-Дону Дж. Тер-Григорян — это «Песня о птице-термороре, несущей бурю». В 1909 году «Буревестник» печатается в Константинополе, в 1910 году — снова в Тифлисе и т. д.

Как и в России, призывные образы «Песни» шли в партийную публицистику. В августе 1906 года видный революционер-большевик Сурен Спандарян в одной из своих статей в газете «Нор-Хоск» («Новое слово») приводит последнюю строку «Песни о Буревестнике». Через год, в июне 1907 года, в нелегальной большевистской газете «Бакинский рабочий» печатается статья С. Спандаряна, которая заканчивается словами: «Революционная волна поднимается, начинается прилив... «Пусть сильнее грянет буря!»⁷.

Нелегко пришлось «Буревестнику» в Грузии. В апреле 1902 года во время обыска на квартире известного революционера рабочего Петра Монтиня отобраны были номера ленинской «Искры» и рукописная копия «Песни о Буревестнике»⁸.

В октябре 1902 года в Кавказский цензурный комитет была представлена на разрешение к печати рукопись брошюры на грузинском языке «Стихотворения Максима Горького. Биографический очерк». Издатель желал напе-

чатать «Песню о Соколе», «Песню о Буревестнике», «Перед лицом жизни», легенду «О маленькой фее и молодом чабане», Брошюру не разрешили — «ввиду ее явной тенденциозности». Тетрадь эта, исписанная мелким аккуратным почерком, сохранилась в Государственном архиве Грузинской республики.

В грузинской печати «Буревестник» появился только в 1905 году в журнале «Могзаури» («Путешественник»). В нем сотрудничали видные революционеры-большевики А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе⁹.

Крылатый призыв Горького вошел в революционные листовки. Выпущенная через два дня после опубликования манифеста 17 октября 1905 года листовка Тифлисского комитета РСДРП обращалась к массам словами горьковской «Песни»: «Пусть сильнее грянет гром, пусть сильнее разразится буря! Час победы близок!»¹⁰. В разгар революции, в 1906 году, удалось выпустить на грузинском языке небольшой сборник произведений Горького, в котором помещена «Песня о Буревестнике». А «Весенние мелодии» тогда же были напечатаны в приложении к газете «Шрома» («Труд»).

Менее богата история «Песни о Буревест-

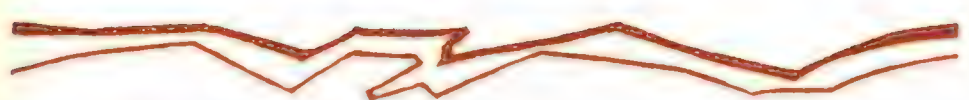

нике» в Азербайджане, но все же и здесь можно привести примечательные факты.

29 мая 1901 года «Песню о Буревестнике» напечатала бакинская газета «Каспий» со ссылкой на источник — журнал «Жизнь». Редакция разбила сплошной текст на стихи, произведение было набрано столбцом, даже неискушенному читателю становилось ясно: М. Горький написал стихотворение.

В Баку с 1901 года жил молодой тогда поэт и прозаик Абдулла Шаик. Он учился в Иране, сдал экзамены на должность преподавателя литературы, известен как педагог-демократ, автор учебных пособий. «Я познакомился с русской литературой в 1903 году, — вспоминает А. Шаик. — Меня как писателя сблизили с жизнью пролетариата произведения Горького. Тогда я перевел и включил в учебники его рассказы, воодушевляющие на борьбу, написанные с большим революционным пафосом — «Буревестник», «Песню о Соколе»¹¹.

Прибалтика. 27 ноября 1901 года «Песня о Буревестнике» появляется на эстонском языке в еженедельнике «Олевик» («Современник»). А в 1904 году она напечатана на страницах периодических изданий дважды, в 1905 году — снова дважды, каждый раз — в но-

вом переводе. В 1907 году «Буревестник» появился в серии брошюрок «Листовки»¹². Фридеберт Туглас, сын батрака, начинавший в те годы свой писательский путь, вспоминает: «Быть подобным «Буревестнику» Горького! — это было частью идеала революционной молодежи»¹³. Сам Туглас под огромным впечатлением «Буревестника», находясь в тюрьме, написал в 1906 году патетическое стихотворение в прозе «Море». И в Эстонии призыв Горького «Пусть сильнее грянет буря!» звучал в пору революции с газетных страниц. Этими словами заканчивается передовая статья первого номера первой пролетарской газеты «Эдази» («Вперед») от 3 декабря 1905 года.

Сходным образом живет «Песня о Буревестнике» в Литве. На литовском языке она публикуется впервые в 1902 году. В 1903 году ее печатает газета социал-демократической партии Литвы «Дарбининку балсас» («Голос рабочего»). В третий раз стихотворение Горького переведено в 1905 году.

На латышском языке «Песня о Буревестнике» появляется впервые в январе 1902 года в рижской демократической газете «Диенас лапас» («Ежедневный листок»). Эта же газета напечатала в 1903 году и «Весенние мелодии».

«Песня о Буревестнике» печаталась потом в 1903 году (дважды), в 1904, в 1905 годах — в этот период она переводилась на латышский язык четыре раза.

О большом воздействии стихотворения М. Горького сообщают в своих воспоминаниях участники революционного движения в Латвии. Поэт-революционер К. Дирикис-Шалконис рассказывает: «Впервые с произведениями Горького я познакомился в 1904 году. С большим восхищением читал его гениальное произведение «Песня о Буревестнике». Читали его в подпольных кружках. Это было великолепное средство агитации. «Буревестник» был для нас своего рода революционным гимном... Некоторые произведения Горького мы распространяли в партийных организациях»¹⁴.

Влияние пламенных произведений Горького отмечали также первые латышские критики-марксисты, деятели социал-демократической партии Я. Янсон-Браун, Р. А. Пельше.

В истории революционной борьбы латышского рабочего класса, в истории латышской поэзии есть поразительный по силе и эстетической выразительности пример плодотворного обращения к образу горьковского Буревестника.

Август Арайс-Берце — пролетарий, профессиональный революционер вел партийную работу в Елгаве, Риге, Баку, подвергался арестам, пыткам, тюремному заключению, бежал из сибирской ссылки. В 1921 году его как члена подпольного ЦК Компартии Латвии буржуазные власти бросили в тюрьму, а затем расстреляли. Среди оставшихся после него стихотворений особенно выделяется «Мы — буревестники». Личный опыт рабочего-революционера, драматичность судеб участников борьбы пролетариата, вера в торжество великого дела — вот пафос стихотворения А. Арайс-Берце.

Да, мы — буревестники! Краток наш путь,—
Вот мы появились, чтоб в тучах мелькнуть
И выше, к сияющим далям лететь.
А завтра — над нами траве зеленеть.

Наш звонкоголосый вожак впереди,
А завтра — умрет его сердце в груди.
Сегодня нас сотни кидаются в бой —
Нас тысячи завтра поспорят с судьбой.

Над бездною наши звучат голоса,
К борьбе призывают, вещают: «Гроза!»
Пред нами распахнут бескрайний простор,
И дали грядущего видит наш взор.

У скал, где дробятся громады валов,
Разбилось немало отважных голов,
Но миг, что в пучину ведет храбреца, —
Прекраснейший в пламенной жизни борца!

Да, мы — буревестники! Смело вперед!
Мы — сильное племя! Нас буря зовет!
Нам солнце раскинуло мост из лучей —
Дорогу к величию будущих дней.

Так пусть еще яростней буря ревет!
Мы с радостным кличем рванулись в полет!
Живет только тот, кто, мужая в борьбе,
Свободу в бою добывает себе!

Можно видеть, что длительная жизнь горьковского символа придала бóльшую определенность его содержанию, сделала его восприятие более однозначным. Стихотворение Арайс-Берце насыщено лексикой социально-политической борьбы: в латышском оригинале это *cīnā* — борьба, *brīve* — свобода (дважды), *pākotne* — будущее (дважды); ни одного из них нет в горьковской песне. В контексте латышского стихотворения «буревестник» уже не символ, а развернутая метафора; предмет поэтической мысли — не сам буревестник, а проле-

тарский революционер, подстановка требуется самой природой метафоры, скрытого сравнения.

Стихотворение «Мы — буревестники» А. Арайс-Берце не раз переводилось на русский язык, особенно удачная работа принадлежит Н. Яворской, в ее переводе стихотворение, можно сказать, стало фактом русской поэзии, вошло в том «Библиотеки поэта» («Поэты Латвии», Л., 1974).

М. Горький в истории литератур народов нашей большой страны — тема, требующая кропотливых разысканий, порою — в редчайших, малодоступных источниках. Но труды эти окупаются, картина распространения «Весенних мелодий» и «Песни о Буревестнике» становится богаче, страницы летописи творчества великого писателя полнее.

Есть, например, сведения о переводе в 1901 году «Весенних мелодий» на татарский язык. С января 1906 года в Казани стала выходить первая чувашская газета «Хыпар» («Весть»). Здесь были напечатаны в переводе на чувашский язык «Интернационал», «Рабочая марсельеза», «Варшавянка» и горьковский «Буревестник».

Не всюду на национальных окраинах была возможность напечатать Горького в переводе

на язык местного населения. Важны, конечно, в этом случае и публикации писателя в оригинале.

20 октября 1901 года «Песня о Буревестнике» М. Горького была напечатана (по-русски) в «Тургайской газете», выходившей в Оренбурге.

30 октября 1904 года «Весенние мелодии» появились в газете «Самарканд» (без «Песни о Буревестнике»). Это — первая легальная публикация фантазии в царской России. Но редакция не указала имени автора и попыталась в примечании отвести возможное обвинение в «тенденциозности»: «Фантазия принадлежит перу известного русского писателя. Позволяем себе сделать это позаимствование ввиду той яркой символической характеристики, какую дает минувшему веку эта «фантазия».

2 сентября 1905 года «Весенние мелодии» появились в «Верхнеудинском листке». Здесь также есть пояснение от редакции, но уже более смелое: читатель знакомится с «неизданным произведением» Горького. «Нельзя не пожалеть, — добавляла редакция, что только теперь «Весенние мелодии» получили право свободного обращения, хотя и написаны несколько лет тому назад».

Интересно, что фантазия Горького здесь печатается в первой, ранней редакции (с концовкой: «Ждите, скоро грянет буря!»). Редакция располагала, следовательно, нелегальным гектографированным изданием, долетевшим до далекой Бурятии.

В 1905 году в Якутске нелегальную работу вел марксистский кружок «Маяк», имевший свою библиотеку, хороший подбор партийной литературы. И вот политическая демонстрация была организована в семинарии, на «религиозно-назидательных» чтениях! Есть об этом интересное мемуарное свидетельство: «...Инспектор утвердил программу: житие святого, патриотическое стихотворение и далее в этом роде...

Все началось чинно, по-благородному, и вдруг, о ужас, вместо жития намеченный докладчик-семинарист продекламировал «Буревестника» Максима Горького... Как раз в зале, в ожидании «туманных картин», горела одна свеча. Ее мигом затушили. Воцарилась тьма. Публика грянула «Марсельезу» и другие революционные песни»¹⁵.

Так «Буревестник» проникал все дальше и дальше на национальные окраины страны.

ЧЕРЕЗ БАРЬЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется особый фонд («Россика»), в котором подобраны зарубежные книги о нашей стране, в том числе произведения русских писателей, изданные в переводе за границей. М. Горький представлен здесь множеством изданий. Это однотомные и многотомные собрания его сочинений, художественно оформленные, часто с портретом и вступительной статьей, а также доступные по цене переплетенные книжечки типа «Универсальная библиотека», «Библиотека для всех» — на немецком, французском, итальянском, польском, шведском и других языках. С 1901 года в эти издания включаются «Весенние мелодии» и «Песня о Буревестнике».

Первое место в этом деле, несомненно, принадлежит Германии. Здесь произведения М. Горького широко шли в газетах и журналах, выходили отдельными книжками; собрания его сочинений издавались в шести, в семи книгах. «Весенние мелодии» впервые появились на немецком языке в июне 1901 года в «солидной» «Vossische Zeitung», а затем в журнале «Die

Zukunft» («Будущее»); «Весенние мелодии» в том же 1901 году вошли в «Избранные рассказы» Горького в переводе Августа Шольца. В декабре 1902 года «Весенние мелодии» напечатала либеральная газета «Berliner Tageblatt». Трижды в 1903 году печатается «Песня о Буревестнике». За семь лет постоянного нарастания популярности писателя в Германии (1901—1907 гг.) «Весенние мелодии» и «Песня о Буревестнике» появлялись в печати не менее двадцати раз¹. Печатались книги Горького в Берлине, Лейпциге, Галле, Штутгарте; в качестве переводчика нередко выступал Август Шольц — народный учитель в Берлине, как он сам рекомендовался в письме к Горькому летом 1901 года². Позднее А. Шольц приезжал в Россию, посетил Алексея Максимовича в Подольске, где автор «Буревестника» находился проездом при высылке из Нижнего Новгорода в Крым. С А. Шольцем как переводчиком А. М. Горький сотрудничал, был в переписке.

Творчество М. Горького сразу же было поставлено в Германии в связь с общественным подъемом в России и революционными событиями 1905 года. По получении телеграмм о начале революции, о Кровавом воскресенье «Песню о Буревестнике» тут же напечатали

несколько газет. 21 января (то есть 9 января по ст. ст.) «Буревестник» в переводе Евгения Левине появился во «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская газета») и в социал-демократической «Vorwärts» («Вперед»). 25 января этот же перевод напечатали «Sächsische Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета Саксонии») и «Berliner Börsen-Courier» («Берлинский биржевой курьер»). Евгений Левине в отличие от большинства других переводчиков передал не только поэтическое содержание «Песни о Буревестнике», но и ритмическую форму стихотворения Горького. Перевод этот (четырёхстопный хорей) печатался столбиком.

В Германии, как и в других странах Европы, заключение А. М. Горького в Петропавловскую крепость возмутило передовую общественность. «Berliner Tageblatt» публикует обращение «Спасите Горького» (написал его Август Шольц). На следующий день обращение было перепечатано газетой «Vorwärts». В. И. Ленин писал тогда: «За границей началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями»³.

Редакция «Berliner Tageblatt» не ограничилась только печатанием обращения на страницах газеты. В Россию, министру внутренних дел, было направлено письмо (на французском языке) за многочисленными подписями деятелей общественности, литературы, искусства, науки, промышленности с настойчивой просьбой освободить писателя из крепости ⁴.

Царские власти вынуждены были выпустить А. М. Горького. Писателя-«буреглашатая», приехавшего в Берлин в феврале 1906 года, встречали восторженно. В Немецком театре давала тогда гастроли труппа Московского Художественного театра. На вечере 25 февраля (10 марта) Алексей Максимович читал «Легенду о Данко», популярный тогда в Германии актер Шильдкраут — «Весенние мелодии» по-немецки, В. И. Качалов — «Песню о Буревестнике» по-русски. «Помню,— пишет В. И. Качалов,— как горячо и шумно публика приветствовала Горького, встала при его появлении. Треск аплодисментов, крики «Хох»! В театре было много русских эмигрантов»⁵. На этом вечере был весь артистический и литературный Берлин, присутствовал Карл Либкнехт.

В дальнейшем рабочие, партийные издания

охотно обращались к штормовому произведению Горького. «Весенние мелодии» (в 1907 г.) и «Песню о Буревестнике» (в 1911 г.) печатал, например, социалистический женский журнал «*Gleichheit*» («Равенство»), во главе которого стояла Клара Цеткин. В 1911 году «Песня о Буревестнике» в переводе Евгения Левине вошла в антологию революционной поэзии «*Von unten auf*» («Снизу наверх» — название стихотворения Фрейлиграта о мощи рабочего класса). Распространение этого сборника в России было запрещено комитетом иностранной цензуры⁶.

Трагичной, но высокой была судьба Евгения Левине, социалиста, коммуниста: в 1919 году он возглавил Баварскую советскую республику и был расстрелян после ее разгрома.

С большим интересом, с симпатией принимали произведения Горького и во Франции⁷.

1 декабря 1901 года в газете «*La Revue Blanche*» («Верный взгляд») появились «Весенние мелодии». Тогда же начал переводить произведения Горького Сергей Перский. В 1902 году в его переводе вышел сборник рассказов русского писателя, здесь напечатана и «Песня о Буревестнике». А. М. Горький, живший тогда под полицейским надзором в Арзамасе, получил

от Перского это французское издание⁸; в дальнейшем переводчик нередко получал от Горького его новые произведения в рукописи.

Образное понятие буревестника как глашатая бури было и для Франции новым: птица бури называется по-французски «petrel», то есть птица святого Петра, покровителя моряков. С. Перский еще не знал, как лучше назвать по-французски героя горьковской песни, вместо «буревестника» у него привычный для западно-европейской поэзии «альбатрос».

В сборнике произведений М. Горького, составленном в 1905 году Е. Семеновым, буревестник назван по-французски «возвестителем бури» — «L'annonciateur de tempêt». В этом сборнике к тексту заглавного произведения сделана сноска: «Появилось в «Рабочем деле», май 1901 г.».

Книгу эту, вышедшую сразу и вторым изданием, привозили в Россию. Тогда же, в 1905 году, ее с пристрастием рассматривал Комитет цензуры иностранной. «Эта книжка, — читаем в рапорте цензора, — включает 10 рассказов Максима Горького, причем название первого рассказа «L'annonciateur de tempêt» присвоено и всей книжке. Это сделано не без умысла: переводчик напирал на это название, желая

одним словом охарактеризовать деятельность Горького. Мысль эта выяснена подробно в предисловии, составляющем целую треть книги». Цензор основное внимание уделил именно главной мысли предисловия, в котором автор ставит Горького «наравне с выдающимися европейскими писателями последнего времени, как: Золя, Мирбо, Франс, Толстой, Ибсен, Аннунцио... ссылаясь на отзыв известного критика Стасова, называет Горького великим продолжателем дела лучших русских писателей с Толстым во главе. Счастье Горького в том, что ему пришлось быть свидетелем бури, о которой другие возвещали. Остается воскликнуть вместе с ним: «Пусть же буря разразится сильнее!». «Из этих выдержек видно,— писал цензор,— что цель предисловия выяснить и, может быть, даже раздуть политическое значение Горького как революционера, деятельности которого автор предисловия выражает полное сочувствие»⁹. В результате такого «рассмотрения» цензурный комитет запретил распространение французской книги в России.

Много для известности Горького во Франции дала большая статья Мелькиора де Вогюэ, авторитетнейшего знатока и популяризатора русской литературы. Напечатанная впервые в

1901 году в журнале «Revue des deux Mondes» («Обозрение двух миров»), эта работа критика была в 1905 году издана отдельной книжкой. В качестве характернейшего произведения Горького здесь в виде приложения Вогиюз поместил в своем переводе «Песню о Буревестнике» («L'annonciateur de tempêt»). Суждения М. де Вогиюз о Горьком (в часто переиздаваемой им книге «Русский роман») передавались затем в печати ряда европейских стран — в Италии, в Норвегии, Чехии, Венгрии, Болгарии, Сербии. Так, в 1908 году книга «Русский роман» была переведена на венгерский язык — вместе с «Песней о Буревестнике» в приложении¹⁰.

Представление о Горьком как о «возвестителе бури» закрепилось во Франции: этими словами озаглавливались критические работы о творчестве писателя, они вошли в обращение, опубликованное в связи с арестом писателя в январе 1905 года.

Норвегия. Географически это окраина Европы, но общественная и литературная жизнь страны была содержательной и яркой. Поэтический образ Буревестника был хорошо знаком норвежцам по стихотворению Ибсена. Сравнится ли с ним Буревестник, прилетевший из России?

«Песня о Буревестнике» впервые появилась на норвежском языке в составе рассказа «Весенние мелодии» — его опубликовал в 1901 году журнал «Kringsjaa» («Обозрение», т. 18). Горького уже знали тогда по нескольким рассказам,

Sangen om stormsvalen.

Av Maxim Gorki.

(Bearbejdet fra en norsk oversættelse av R. G.)

Over havets blågraa bølger
hoper der sig tunge skyer.
Mellem skyerne og havet
splittes rummet av de skarpe
skrik fra stormens vilde svaler
som av lyn i svarte nætter.

Hør den skriker, se den stryker
vingen langs med bølgekammen,
som en pil den gaar mot skyen,
himlen hører den med glæde
løfte sine vilde hærskrick.

Maaken klager foran stormen —
klager, jages rundt av vinden.
længter etter at faa følge

og med brak mot strandens stens,
hvor til skum og støv de brister
lik en regn av diamanter.

Urædd skriker stormens svaler,
skyter lik et lyn som svartnet,
kløver skyerne og soper
bølgens skum med skarpe vinger.

Og den svæver som dæmonen
og som stormens svarte varsel,
og den haanler og den snøfter.
Det er skyerne den haaner,
og det er av fryd den snøfter.

For den har i stormens verden

«Песня о Буревестнике» в норвежской социалистической газете, 1919 г.

которые появлялись в норвежской периодике с 1899 года. В 1903 году с триумфом прошла в Христиании (ныне Осло) пьеса «На дне»¹¹.

Когда пришло известие, что Горький заключен в Петропавловскую крепость, с протестом против преследований известного писателя выступила газета «Social-Demokraten». И как раз в это время, 8 февраля 1905 года, выходившая в Бергене газета «Morgenavisen» («Утренние известия») печатает «Песню о Буревестнике» («Stormfuglen», переводчик обозначен инициалами V. T.). 15 февраля этот перевод перепечатала в Христиании газета «Social-Demokraten».

Позднее был сделан другой перевод — норвежским журналистом русского происхождения Марком Левиным. Этот перевод опубликован 7 февраля 1909 года сразу в двух газетах («Dagens Nyt», «Morgenposten»). 29 апреля 1910 года в «Social-Demokraten» были напечатаны «Весенние мелодии».

Яркое свидетельство о восприятии горьковской «Песни» оставил нам норвежский пролетарский писатель Юхан Фалькбергет, сын шахтера и сам шахтер.

«Как-то зимой 1905 года, — рассказывает он, — находясь с несколькими молодыми шахте-

рами в старой Арведельской штольне, читал я им по издававшей виды газете горьковскую «Песню о Буревестнике» — в неважном переводе с основательно хромающим ритмом. Но у меня было такое ощущение, словно промчался над нашими головами сверкающий метеор, что свет его прорвался к нам в глубины шахты, — а это сотни метров под поверхностью земли. Для нас, шахтеров, прикованных к рабскому труду, лишенных вольной жизни, это была весть о новом и лучшем мире — там, за пределами нечеловечески тяжелого десятичасового рабочего дня. Вещное слово Горького обращено к пролетариям всех стран. И к пролетариату Норвегии также»¹².

В 1906 году «Буревестник» был переведен на английский язык и напечатан в США — в январской книжке журнала «Cosmopolitan Magazine»; «Песней о Буревестнике» открывается антология «Songs of Russia» («Песни России»), изданная в Нью-Йорке в том же 1906 году.

«Песня о Буревестнике» входила в программу публичных выступлений А. М. Горького во время его поездки по крупным городам США с целью сбора средств для большевистской партии, для русской революции. Описания

**BIBLIOTECA
UNIVERSO**

**DIRECTOR:
GABINO A. PALMA**

R 58.
1510

**La Canción del
Halcón y La
Canción del
Albatros**

Por **Máximo GORKY**

"Los Doce"

Por **Alexander BLOCK**

Editorial "Cultura"
México. MCXXXII
Tomo I. Número I

**Traducciones directas del ruso y pró-
logos originales de Salomón Kalan y
Gabino A. Palma.**

«Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике» М. Горького,
«Двенадцать» А. Блока. Мехико, 1922 г.

горьковских вечеров-митингов можно найти на страницах американских газет.

24 мая 1906 года, зал Большой оперы в Филадельфии. При появлении писателя бурные приветственные крики на русском и английском языках: «Трижды ура Горькому!» Перед докладом Горького («Царь, Дума и народ») одна из присутствующих прочитала сделанный ею перевод поэмы Горького «Буревестник». Заключительные слова поэмы — «Пусть сильнее грянет буря!» были встречены громом аплодисментов¹³. 30 мая такое же выступление — в переполненной аудитории в Бостоне. И снова была прочитана «Песня о Буревестнике» на английском языке. «Слушая Горького, чувствуешь, как закипает кровь и пробуждается воля к борьбе», — писал один из журналистов, побывавший на горьковском вечере¹⁴.

В Филадельфии Горького радушно встречали и приветствовали члены комитета по организации вечера-митинга. В их числе был писатель-социалист Горас Тробел. В газетном отчете он назван «одним из тех, кого сами филадельфийцы сочли наиболее близким Горькому по духу». Друг и биограф Уитмена, «коммунист» и «великий демократ», он был известен как автор «Гимнов Коммуны». Книжка его была

выпущена в 1904 году. Знал ли тогда Горас Тробел «Песню о Буревестнике» по европейским публикациям? Или идейная близость поэтов порождает и сходные образы? Один из гимнов Тробела называется «Перед грозой»:

«Буря скоро грянет! Какой простор! Для могучих потоков свежего воздуха, светлых идеалов, любви к человеку...»

Об этом «преданном забвению» писателе — «американском буревестнике» рассказала литературовед из Ленинграда А. М. Любарская¹⁵. Ее сложный и увлекательный поиск дал богатые результаты. А. М. Горький, оказывается, не забыл близкого ему по духу американского поэта, нашел, очевидно, возможности подробнее познакомиться с его деятельностью, с его творчеством. В 1908 году, работая над статьей «Разрушение личности», Алексей Максимович назвал его в ряду выдающихся писателей: Уитмена и Верхарна, Уэллса и Франса¹⁶.

Нет возможности дать в подробностях всю картину жизни «Буревестника» в зарубежных странах. Надо отметить основное — русская революция воспринималась повсюду как главное событие века, и горьковский «Буревестник» стал воплощением революционного духа, волнующим символом перемен, ожидаемых

народами мира. Вот почему у него сразу же нашлись переводчики — в 1901 году он был переведен в Болгарии (дважды), в Чехословакии, в Сербии, в 1902 году — в Польше, в Швеции, в Италии, в 1903 году — в Хорватии и т. д. Издается в 1905—1907 годах — в Румынии, снова в Сербии, несколько раз в Италии...

Произведения М. Горького вдохновляли и группу японских революционеров, которую возглавлял Сюсюй Котоку, один из создателей социалистической партии. В газетах, редактируемых японскими социалистами, были напечатаны «Легенда о Данко», «Песня о Буревестнике» и другие сочинения Горького¹⁷. Темные силы реакции расправились с носителями революционного духа: Котоку и одиннадцать его товарищей были казнены. А. М. Горький протестовал против этого варварства в письме в газету «Юманите» (январь 1911 года)¹⁸.

В СВЕРШЕНИЯХ ОКТЯБРЯ, В ДЕЛАХ ОТЧИЗНЫ

Каждая эпоха создает свой особый поэтический образ, побуждающий людей к действию, символ их устремлений, призыв к единению и

борьбе. 60-е годы минувшего века дали четвертый сон Веры Павловны — лучезарную картину счастливой жизни и мирного труда, мечту о будущем, которое светло и прекрасно, — «стремитесь к нему, работайте для него!» Потом появилась «Новая песня» П. Л. Лаврова — «Отречемся от старого мира». Она звала рабочий народ на борьбу против вампира-царя, против жадной своры богачей. С новым веком взлетел «Буревестник» Горького, выразивший силу и страстность накопившегося народного гнева, прорицавший победу. А с Октябрем ворвался в революционную эпоху ликующий «Левый марш» Маяковского, пламенное обращение к матросам.

Эй, синеглазые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!

Грандиознее стала у нового поэта картина моря, и небо другое — оклеенное алыми стягами. Но, как в «Буревестнике», звучит в «Левом марше» уверенность в том, что есть «солнечный

край непочатый», что «коммуне не быть покоренной».

И на новом этапе великой борьбы «Песня о Буревестнике» не отошла в тень, она по-прежнему была нужна сражающемуся народу.

Боевую газету «Буревестник» выпускали большевики в Минске с 8 по 29 октября 17-го года. Такое же название дала в 1918 году своей газете Батумская группа РСДРП.

В грозном для юга России 1919 году, когда С. М. Киров возглавлял оборону Астрахани, в городе этом занимались не только формированием воинских частей, борьбой с голодом, эпидемиями. Вот архивный документ:

«Ввиду успеха первого Горьковского вечера Культурно-просветительный отдел Совета профессиональных союзов настоящим извещает, что 31 июля с/г. устраивается второй литературный вечер, посвященный творчеству народного рабочего писателя Максима Горького по расширенной программе; будут даны 4-й акт драмы «На дне», 2-й акт — «Дети солнца», будут прочитаны «Буревестник», «Песня о Соколе»...»¹.

Этот же вечер, по предложению Политотдела 11-й армии, был повторен и для красноармейцев.

В сентябре 1919 года газеты извещали астраханцев о выдаче хлебного пайка: «1-я категория — 1/2 фунта, 2-я — 1/4 фунта, 3-я — ничего». И в то же время публикуются объявления и призывные статьи о записи в литературную студию: «Идите все в студию, идите творить новую, светлую и свободную жизнь, то лучезарное царство братства и свободы на земле, к которому мы все так жадно стремимся. Как гордые буревестники, взвейтесь над вершинами стихий, покорите суровую жизнь вашей власти и будьте творцами новой, невиданной еще в мире правды и красоты»².

Легко понять, что волновавшие всех события революции и гражданской войны находили отклик в образах бури и буревестника. Участник кружка рабочих-писателей Василий Еферов воспринимает эпоху именно так:

Посмотри, как буйно плещут
Волны пенистой грядой,
И уж кружит призрак вещий —
Буревестник над водой.

Бьет сердитый вал по борту,
Стонет остов корабля...
Экий ветер: ведьма с чертом
Разыгрались у руля!

Но без боя не сдадимся
Мы стихии грозовой,
Мы не струсим, мы сплотимся,
С нами кормчий удалой!..³

Нередко печатались стихи на страницах газеты «Красный воин» — органа Политотдела Реввоенсовета Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта. 3 января 1920 года — «Левый марш» Маяковского, 7 марта, в юбилейном номере — «Песнь о Буревестнике»...

Писатель В. Ф. Пименов вспоминает, как читали Горького в 1919 году в комсомольской ячейке школы 2-й ступени, как позже, посланные молодой Советской властью в университет, учились, осмысливали жизнь в философских категориях: «Стали мы, курские ребята, студентами. В перенаселенных общежитиях спорили до утра, правильно ли сказал Гегель: «Все разумное действительно, и все действительно разумно» — и с азартом говорили, что нам ближе слова Горького: «Рожденный ползать летать не может» и «Пусть сильнее грянет буря!»⁴.

А вот свидетельство восприятия горьковского образа, относящееся уже к началу 30-х годов. Вспоминает казахский писатель Абдижамил Нурпеисов: «Нам, детям тех лет, жившим на

Обложка брошюры, 1922 г.

пустынных берегах далекого Аральского моря, рисовался его образ, окрашенный бесхитростным детским воображением. Его мы узнавали по портретам, висевшим в клубах и классах и еще напечатанным в учебниках по литературе, где он непременно изображался на фоне слишком уж сердитого белопенного моря, а над ним, надрываясь, метались крикливые чайки, а чуть позади ревел прибой. И мы, босоногие интернатовцы, смутно чувствовали... что самой судьбой своей он изначально и неразрывно связан с мятежным, как он сам, морем, бурей, с птицей буревестником, со штормовым ветром и шквалом волн»⁵.

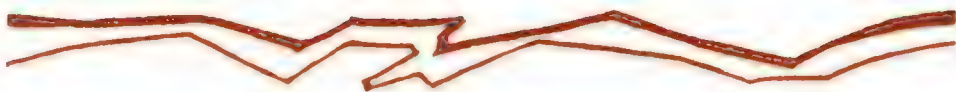
С победой революции раскрепощенным народам нашей страны «Буревестник» повсеместно стал ближе, доступнее — для его пафоса, вдохновляющего на борьбу за завоевания Октября, нашлись горячие слова на всех национальных языках. Там, где «Буревестник» уже был переведен ранее, создавались нередко новые переводы, на многих языках он зазвучал впервые.

В 1917 году «Песню о Буревестнике» перевел на родной язык зачинатель якутской советской литературы Платон Ойунский. Вслед за ним стихотворение М. Горького якутские поэты пере-

водили не менее пяти раз. «Буревестник» постоянно печатается на страницах хрестоматии для якутских школьников.

В 1919 году, после 15-летнего перерыва, «Буревестник» снова появился в латышском переводе в большевистской газете «Циня» («Борьба»), отметившей тогда 50-летие А. М. Горького. А в годы буржуазной республики и фашистской диктатуры (1920—1940 гг.) «Песня о Буревестнике» много раз публиковалась на латышском языке за пределами Латвии — в изданиях, выходивших в Пскове, Москве, Новосибирске и даже в Гамбурге. В 1940 году «Песню о Буревестнике» перевел Андрей Упит. Писатель так вспоминает об обстоятельствах, побудивших его к этому: «За несколько недель до свержения фашистской диктатуры в Латвии один смелый издатель, используя невнимательность взволнованных «недобрыми» предчувствиями ульмановских цензоров, издал сборник главных революционно-романтических произведений Горького (в моем переводе) с предупреждающим заглавием «Буревестник». Книгу, которая несомненно сыграла свою роль в подготовке умов к историческим освободительным сражениям, публика расхватала в несколько дней»⁶.

В Советской Латвии «Песня о Буревестнике» в переводе А. Упита изучается в школе, включается в хрестоматии.

К именам классиков национальных литератур Платона Ойунского, Андрея Упита можно добавить целый перечень выдающихся поэтов, переводивших «Песню о Буревестнике». Это — Гафур Гулям и Миртемир в Узбекистане, Лахути, создавший таджикский перевод; на украинский язык «Буревестника» перевел Павло Тычина, на литовский — Саломея Нерис, на молдавский — Емелиан Буков и т. д. Эта творческая работа всегда расценивалась поэтами как высокий долг по отношению к родной литературе. Гафур Гулям писал: «Я особенно горжусь тем, что первые узбекские переводы «Песни о Буревестнике» и «Песни о Соколе» принадлежат моему перу»⁷.

С победой народа слово М. Горького дошло до самых когда-то глухих окраин, стало доступным для всех. Советская власть посадила за букварь миллионы взрослых, ранее лишенных возможности учиться, дала образование всем своим детям. «Песня о Буревестнике» стала произведением хрестоматийным. Невозможно учесть, сколько раз и в каких изданиях она печаталась после Великого Октября. Ее «прора-

батывали», «разбирали», «анализировали» на школьных уроках, ее декламировали в избах-читальнях и клубах, артисты читали ее по радио...

С тех пор как народное образование стало у нас всеобщим, у горьковского «Буревестника» каждый год прибавляются миллионы читателей. Само это слово вошло в язык наших эмоций, воспринимается преимущественно в его переносном, расширительном значении, стало словом-сигналом, емким обозначением победного духа, боевой устремленности — ввысь, к значительнейшим целям.

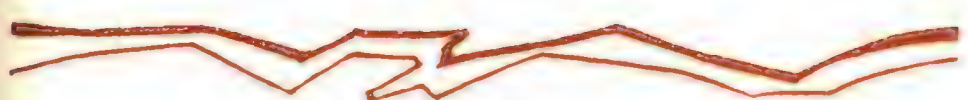
Поистине удивительна эта неиссякаемая действенность художественного образа, его способность снова и снова находить многообразные пути к людям, обогащать их сознание и чувства. Может даже возникнуть вопрос: при такой широчайшей известности, привычности даже, не ослабляется ли с годами сила воздействия «Песни о Буревестнике»? Конечно, она по-прежнему воспринимается как творение прекрасное, значительное по идее, глубоко эмоциональное. Но сохранило ли это восприятие личностный характер, не превратилось ли оно в чувство вторичное, производное, внушенное всеобщим признанием?

С уверенностью можно сказать, что Буревестник всегда оставался для советского человека близким его внутренней сущности поэтическим символом. Вот почему в пору Великой Отечественной войны народное влечение к героике, массовый подвиг во имя Родины естественно связывались с образом Буревестника и других героев ранних романтических произведений Горького.

18 июня 1942 года «Комсомольская правда» рассказала о том, как погиб красноармеец Георгий Бронзий при взятии укрепленной позиции. «Когда кончился бой, Бронзия принесли на медпункт. Разрезали рубашку, открыли простреленную грудь и на шее погибшего небольшой мешочек... В этом мешочке оказалась «Песня о Соколе» Горького. На пожелтевших листках был списан полный текст знаменитого произведения, причем отдельные места были подчеркнуты...»

В партизанском соединении на Черниговщине отважно воевала Галя Данилко. У нее фашисты замучили мать, деда и всех остальных близких. «Бить врага,— рассказывает о ней корреспондент газеты,— помогал... Данко. Никто более взволнованно, чем она, не декламировал сказку Горького.— В тяжелые минуты,

вспоминает Герой Советского Союза Н. Д. Симоненко, мы просили Галочку повторить рассказ. Замирал, казалось, лес. Словно появлялся сам Данко и становился нашим богатырем-партизаном. Горьковское слово придавало бойцам отвагу»⁸.

В белорусских лесах успешно действовала партизанская бригада «Буревестник», командовал ею Герой Советского Союза М. Г. Мормулев. А Всеволод Саблин, военный корреспондент, участвовал в боевых операциях: минировал железнодорожное полотно, бывал в засадах, сражался против карательных экспедиций. И писал для партизан стихи и песни:

Народ, в ружье! Нельзя терпеть!
Нельзя рабами быть!
Уж лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить.

И вот в 1944 году в лесной подпольной типографии недалеко от деревни Поречье была напечатана книжечка стихов и песен В. Саблина «Мститель». Уникальная эта книжечка сохранилась, может быть, в единственном экземпляре: она есть в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина вместе с листками кратких воспоминаний автора.

«Среди партизан,— рассказывает В. В. Саблин,— особой популярностью пользовалась песня «Мы — вестники бури». Ее обычно пели на походе»:

Отряд «Буревестник»
Под Минском стоит.
Отряд «Буревестник»
Фашистов громит.

Мы — вестники бури
И мести святой,
И водит нас в бой
Мормулев молодой.

Из темного леса,
Из топких болот
Мы ночью выходим
В далекий поход.

Мы — вестники бури и т. д.

Недаром в боевой характеристике В. В. Саблина рядом с перечислением воинских его заслуг значится: «проявил себя замечательно выполняющим подпольную литературную работу». «Экземпляров 20,— пишет В. Саблин,— заслали во вражеские гарнизоны — для разложения полицейских, экземпляров 20 — в оккупированный в то время Минск. Штук 30 распространили среди партизан»⁹.

Но и в мирное время, в повседневных трудах поэтические создания М. Горького ничего не теряют из своего героического пафоса, из возвышающей душу устремленности. «В душе каждого из советских людей живет несокрушимый дух горьковского Сокола, горьковского Буревестника, самого Горького, их «уверенность в победе», — сказал Юрий Гагарин.

ПУТЬ — В ЭПОС, ОРАТОРИЮ

Читают художественную литературу не только читатели, но и писатели, более того — читателями нередко оказываются также персонажи, вымышленные писателями. Круг чтения персонажей входит в той или иной мере в их характеристику, позволяет нам лучше понять, чем они живут, чем вдохновляются, что принимают в искусстве, в людях, в общественной жизни. Но и само читаемое персонажами произведение предстает перед нами в особом свете — мы судим о нем как о духовном явлении, способном влиять на людей, западать в душу, побуждать к определенным поступкам и тем самым участвовать в изменении действительности.

В «Жизни Клима Самгина» персонажи много читают и много говорят о литературе. Изображая панораму «сорока лет русской жизни», М. Горький называет и свои произведения.

Поэтическое творение Горького внесло свои мотивы в художественную прозу советских писателей, в первую очередь — в произведения о временах обостренной классовой борьбы.

В повести латышского писателя Павилса Розитиса «Валмиерские ребята» (1936 г.) учительница-революционерка в преддверии решающих событий собирает гимназическую молодежь, предлагает проводить военные занятия: «На Синей горе начнем учить наших ребят летать как буревестники. Они должны быть готовыми к буре, которая приближается».

Литовский писатель Александрас Гудайтис-Гузявичюс — участник подпольной революционной борьбы в буржуазной Литве, узник фашистских тюрем посвящает лучшие свои романы борьбе народа за Советскую власть в 1918—1920 годах, создает впечатляющие образы литовских коммунистов. Одним из таких персонажей является Каролис Игнотас в романе «Правда кузнеца Игнотаса» (1948—1949 гг.). Игнотас, «рыцарь революции», функционер-подпольщик, во время оккупации Литвы

германскими войсками должен был перейти через линию фронта. Он попадает в плен, заперт в старой конюшне, его участь — быть расстрелянным по стандартному обвинению в шпионстве. Он начал размышлять:

«Здесь ни к чему ни «лирический пессимизм», ни «оптимистическое прощание с жизнью». Попробуйте в такой обстановке дать ответ на вопрос о личном счастье!.. Свобода — идти с революцией, свобода — нести ее знамя, свобода — повторять вслед за лучшими людьми мира: «Пусть сильнее грянет буря!»

Припоминая слово за словом текст «Буревестника», Каролис пытался его перевести на литовский язык, но ему не хватало слов, и он только повторял: «Пусть сильнее грянет буря!» И это был... ответ и Альдоне, и каждому, кто бы еще спросил его о личном счастье...»

Присутствие духа выручило Игнотаса, он сумел выбраться из конюшни и скоро оказался по другую сторону линии фронта...

Дм. Нагишкин создал роман о героических делах партизан Дальнего Востока «Сердце Бонивура» (1947 г.). Герой романа — лицо историческое, белогвардейщина зверски расправилась с ним. Целая глава в романе называется «Пусть сильнее грянет буря!»

Рабочий поселок возле железнодорожного депо во Владивостоке, где хозяйничают белогвардейцы и японские войска. Пятеро девушек-комсомолок, отважно ведущих подпольную работу. А Виталий Бонивур отправился в леса, в отряд к партизанам. Грустно у девушек на душе... Умело передает писатель сложившееся настроение. Девушки вспоминали и читали стихи, «ища таких, которые бы выразили их настоящие чувства. И Таня захотела прочитать то, что ее самое глубоко потрясло силою чувства...— Над седой равниной моря ветер тучи собирает... Словно вдруг сбросившая с себя грусть и печальные мысли, читала голосом свободным, звонким, как туго натянутая струна... читала, будто дышала соленым морским воздухом и буря грохотала вокруг нее, и видела она все то, что облекалось в эти слова. Она испытывала тот подъем, когда все казалось возможным, и жаждой борьбы наполнялся каждый мускул, каждая клеточка ее тела».

Автор не скупится на стихи Горького, проникновенно воспроизводит глубину их поэтического воздействия. А «Песню о Буревестнике» дал Тане Виталий Бонивур...

Но действенность «Буревестника» — не только история, не только минувшее. В повести

якутского писателя Н. Мордвинова «Беда» (1962 г.) сюжет относится к современности: чтение «Песни о Буревестнике» помогает сохранить выдержку людям, оказавшимся после аварии самолета перед лицом зимней тайги...

Множество раз к горьковской «Песне» обращались советские художники, создавшие офорты и гравюры на дереве, иллюстрации к изданиям «Буревестника». Своеобразным достижением советского искусства явились росписи шкатулок мастерами Палеха. Например, «Буревестник» И. Вакурова (1926 г.) декоративно-выразителен, несет в себе сильный элемент самобытной символики. Вот как описывает искусствовед содержание этой композиции. «...В полную силу звучит романтика горьковской песни. Над всем условно трактованным пейзажем господствует не символический образ птицы, а образ человека-борца. Монументальный силуэт рабочего, быть может самого Горького, с киркой в руках возвышается на скале, покрытой красными отсветами. Гибнет в клубящихся зеленовато-синих волнах корабль прошлого; длинными, узкими языками пламени окружен виднеющийся вдали вражеский замок... Роль дополнительных аксессуаров играют буревестники, летящие над волнами,

и «глупые пингвины», прячущиеся в круглой пещере под утесами»¹.

Но поистине впечатляет интенсивнейшая жизнь Буревестника в советской музыке. На текст «Песни о Буревестнике» созданы произведения разных жанров: хоры, мелодекламации, поэмы-фантазии, вокальные миниатюры.

Е. К. Тикоцкий вспоминает начало своей творческой деятельности, 1920 год: «Я тогда находился в рядах молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии... в качестве пианиста и начинающего композитора проводил все вечера в красноармейских клубах Бобруйского гарнизона. В то время я создал героическую поэму для чтеца с фортепиано «Буревестник» (по М. Горькому), которая под мой аккомпанемент часто исполнялась красноармейской самодеятельностью»². В 1941 году им была создана, а позднее и напечатана героическая поэма для баса, хора и оркестра.

В 1927 году, в дни празднования 10-летия Октября, прозвучала поэма для солиста, хора и симфонического оркестра Зары Левиной «Буревестник». Поэма эта стала вступительной частью оратории «Путь Октября». Создавали ее молодые композиторы — Производственный коллектив студентов Московской консерва-

тории (он назывался в духе того времени Проклл). Это было примечательным событием тогдашней культурной жизни — первая советская оратория! Состоялся общественный показ этого произведения, о нем как о большом достижении писал журнал «Музыка и революция»; поэма Зары Левиной печаталась в этом журнале, вышло и отдельное издание партитуры. В облегченной обработке «Буревестник» З. Левиной рекомендовался в материалах для проведения клубных и школьных вечеров.

Пролетело пять с лишним десятилетий. 25 ноября 1984 года первая советская оратория «Путь Октября» снова звучит с концертной сцены музыкально-педагогического института имени Гнесиных в исполнении коллектива студии Всесоюзного радио и Центрального телевидения. В хоровых эпизодах «Буревестник», «Кровавое воскресенье», «Взятие Зимнего» перед слушателями проходят картины героического прошлого нашей страны, воссоздаются в звуках незабываемые образы стихов М. Горького, А. Блока, В. Маяковского, Н. Асеева...³

И еще один пример живительной для искусства силы «Буревестника». Основательница и руководительница первого в мире Детского музыкального театра Наталия Сац поставила

перед собой трудную и ответственную задачу: создать оперу о жизни современной школы, о сложностях становления личности молодых людей. Н. Сац написала либретто, композитор Александр Чайковский — музыку. В этой смелой по замыслу опере «Второе апреля» драматургический центр, идейная кульминация — «Песня о Буревестнике». Музыковед Т. Егорова сообщает: «Именно с сочинения музыки к знаменитому произведению М. Горького и началась работа композитора над оперой. Эта песня-гимн, воспевающая революционную романтику подвига, сплачивает ребят, она оказывается созвучной их духовным идеалам»⁴.

ПАФОС «БУРЕВЕСТНИКА» — ВСЕМУ МИРУ

Снова и снова убеждаемся мы в том, что «Буревестник» нужен людям всюду, где в борьбе за счастье людей требуется духовный подъем.

1919 год, север Ирана. Под влиянием Великого Октября развернулась национально-освободительная борьба, названная историками Гилянской революцией. Именно в это время на персидский язык некий Носрет перевел «Песню

о Буревестнике». Этот перевод никогда не появлялся в печати, но получил широкое хождение в списках. «Песню» восторженно принимали борцы за республику, пролетарии и крестьяне, руководимые Коммунистической партией Ирана. Освободительное движение было к концу 1921 года подавлено шахскими войсками. Рукопись «Буревестника» стала боевой реликвией, в 1934 году ее видели, читали в Нахичевани у одного из старейших участников Гилянской революции; но после смерти владельца рукопись затерялась...¹ Легендарная судьба!

Начавшееся в Китае в 1919 году мощное антиимпериалистическое и антифеодальное народное движение, революционные события конца 20-х годов дали сильный импульс развитию новой литературы; передовые писатели проявляли глубокий интерес к творчеству Горького. Цюй Цюбо в 1932 году составил «Сборник избранных статей Горького», снабдил его предисловием. Но издать книгу тогда не удалось. Другая книга, составленная Цюй Цюбо, — «Сборник избранных произведений Горького» — была отпечатана в Шанхае, но гоминдановская цензура сразу же наложила на нее арест, весь тираж был уничтожен. Оба эти сборника переводов Цюй Цюбо удалось выпус-

тить в свет только в 1936 году; подготовил их к печати и провел через цензуру великий китайский писатель Лу Синь. Так впервые на китайском языке появились «Песня о Буревестнике», «Товарищ!», «Страсти-мордасти», «Автобиография» и другие произведения М. Горького².

Горький стал близок трудящимся Китая. На траурном митинге в Бейпине (Пекине) 30 июня 1936 года в зале был вывешен плакат со словами: «Пусть сильнее грянет буря!»³.

Писатель Ван Япинь рассказывает: «В темные дни, в трудное время, в огненном море борьбы старого и нового, революции и старого господства, мы слышали волшебную песню о гордом Буревестнике, мы слышали песню о герое Соколе. Слова этих песен вдохновили нас, заставили нас поверить в вихревой, неотвратимый натиск революции». Писатель читал «Буревестника» перед молодежью, в массовой аудитории — «всякий раз эта песня производила огромное впечатление»⁴.

Известный драматург, переводчик «Матери» М. Горького Ся Янь вспоминает: когда он учился в школе, одна девочка, слушая перевод «Буревестника», была так потрясена, что изменила свое имя на Хай Янь, — на китайском языке это означает «буревестник»⁵.

В 1984 году редакция «Иностранной литературы» принимала гостя из Китая. Это был Гэ Баоцюань, писатель, литературовед и переводчик. Он говорил, что гордится своими переводами русской классики, что «Песня» включена в учебники для средней школы⁶.

Невероятно трудно было издавать произведения М. Горького в Болгарии, когда в 20-е, 30-е и 40-е годы там господствовал фашистский режим. Количество переводов из Горького было в это время невелико, но среди них — «Песня о Буревестнике». Ее снова перевели тогда виднейшие деятели пролетарской литературы — в 1922 году Димитр Полянов, в 1936-м — Людмил Стоянов. «Буревестник» сослужил немалую службу Болгарской коммунистической партии, организовавшей нелегальную революционную пропаганду. О «Буревестнике» нередко говорится в воспоминаниях участников болгарского Сопротивления. Он был с партизанами в горных лесах Кюстендила. В партизанских отрядах действовало неписаное правило: каждый боец клал в ранец, кроме патронов, хлеба и перевязочного пакета, одну-две книги. В этой «подвижной библиотеке» самыми любимыми были «Чапаев» Фурманова, «Белеет парус одинокий» Катаева, «Песня о Буревестнике» Горького⁷.

В болгарской армии, как и во всем болгарском народе, неискоренимы были симпатии и любовь к братской России. Стоян Барамов, служивший в санитарной роте в Плевене, рассказывает: «Собирались малыми группами, особенно в праздничные дни, на большом дворе санитарной школы, в окрестностях Плевена, скрытно от начальства и доносчиков вели разговоры о прочитанных в то время книгах, декламировали «Песню о Буревестнике» и «Песню о Соколе» Горького, отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин» Маяковского»⁸.

В годы фашистской оккупации Югославии бойцы Народно-освободительной армии также вдохновлялись песнями М. Горького о Соколе и о Буревестнике. А в белградском подполье в 1942 году завершал свои последние произведения известный композитор-коммунист Войслав Вучкович — это были «Героическая оратория» и симфоническая поэма по стихотворению М. Горького «Вестник бури». 25 декабря 1942 года Вучкович был схвачен и казнен⁹.

В Германии после прихода нацистов к власти устраивались публичные сожжения книг, бросали в костер и сочинения М. Горького. В газетах того времени можно было прочитать: «Вестник прусской уголовной полиции сообща-

ет, что в Пруссии запрещены все без исключения произведения Максима Горького. Книги Максима Горького на немецком языке подлежат конфискации». В библиографическом указателе «Горький в Германии» годы 1933—1945 в перечне — провал; его сочинения стали издаваться после 9 мая 1945 года.

Немецкий критик и литературовед Хайнц Плавиус (ГДР) в полной мере осмыслил творчество Горького для той суровой поры, когда немцам после краха гитлеризма пришлось «устранять душевные и моральные разрушения, дефицит духа и нравственности»:

«Свидетельства тех дней и первых мучительный усилий, которых потребовало новое дело, и по сей день стоят в моем книжном шкафу — отпечатанные на серой, невзрачной бумаге, переплетенные в копеечный картон, потрепанные от прикосновений множества ладоней... Едва ли преувеличу, если скажу, что книги Горького стали моими университетами... Осенью 1945 года были образованы антифашистские молодежные комитеты. С особой отчетливостью моя память сохранила живые впечатления о проводимых в то время вечерах, позднее получивших название «литературно-музыкальных»... Горький и Гейне всегда нахо-

дились в фокусе диспутов. Тогда впервые нам дано было ощутить себя буревестниками... Мы добивались осознания того, что отныне каждый должен встать на совершенно новый путь»¹⁰.

Возвышенный пафос «Песни о Буревестнике» в любое время побуждает широко смотреть на мир, устремленный к будущему.

Летом 1984 года в советской печати промелькнуло сообщение: в Германской Демократической Республике, в балтийском городе Штральзунде, состоялось первое исполнение симфонической поэмы для сопрано, баритона, чтеца, хора и большого оркестра — «Песня о Буревестнике». Это произведение было написано по заказу Театра Штральзунда веймарским композитором Иенсом Уве Гюнтером для концерта в дни 750-летия города¹¹.

И вот, стоило написать в Штральзунд, как оттуда приходит пакет с интереснейшими материалами. Тут буклет с программой премьеры 16 июня 1984 года; на обложке — оживленное невысокими волнами море, низкий балтийский берег и панорама Штральзунда: островерхие здания, башни и шпили. Что волновало устроителей и слушателей концерта в «Песне о Буревестнике»? Из высказываний

композитора и из рецензии «Остзеецайтунг» (ее также любезно прислали нам работники театра) видно, что стихотворение Горького захватывает возвышающей душу образностью, что пафос его — в идеале свободного и гордого человека, в революционном оптимизме. При всем разнообразии использованных в симфонической поэме музыкальных средств и приемов композитор и исполнители особенно старались донести до слушателей текст Горького, выявить содержательное богатство стиха.

Примечательно, что в программе напечатана целиком «Песня о Буревестнике». Как нам сообщили, перевод взят из сборника произведений М. Горького, который был выпущен на немецком языке Советской военной администрацией (СВА). И это еще один пример благотворной действенности горьковской «Песни»: в те дни, когда после разгрома фашистских сил налаживалась в поверженной Германии мирная жизнь, расчищались развалины, открывались пекарни, советские власти заботились и о духовной пище. Стали выходить демократические газеты, издавались книги немецких писателей-антифашистов, русская и советская классика. И произведения наших писателей делали свою очистительную работу. Это особенно было важно для

тогдашней немецкой молодежи: в годы гитлеровского господства ей были закрыты дороги к источникам демократической культуры...

Удивительно ли, что после разгрома фашизма в 1945 году в странах, которым Советский Союз принес освобождение, сразу же стали появляться издания произведений М. Горького и в их числе особенно часто «Песня о Буревестнике» — на румынском, чешском, венгерском и других языках. В каждой из социалистических стран «Буревестник» имеет свою историю.

С 1981 года в Болгарии издается журнал «Факел», призванный знакомить читателей с советской литературой. Заглавие и девиз-эпиграф нового издания — из стихотворения Хр. Смирненского «Красные эскадры»: «...с факела на нова вера». Но для обобщенно-образной и эмоциональной характеристики советской литературы как огромного общественного явления редакция посчитала нужным дать не слово-сигнал, а «Песню о Буревестнике» целиком. Первый номер журнала открывается факсимильным воспроизведением самого раннего перевода «Песни» на болгарский язык, появившегося в 1901 году; затем напечатаны «Песня о Буревестнике» по-русски и пять ее переводов, выполненных Х. Радевским, Б. Божиловым,

«Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». Прага, 1945 г.

О. Орлиновым, И. Теофиловым, К. Кадийским. В заключающей эту публикацию заметке даны сведения о других переводах «Песни». Таким же образом в 1986 году выходящий в Будапеште на венгерском языке журнал «Советская литература» напечатал 8 переводов и статью с их сопоставительным разбором.

Пафос социалистического переустройства мира несет ныне «Буревестник» всем народам, борющимся за мир, за право достойно жить и трудиться на нашей прекрасной планете.

Большой промышленный город Генуя. Общество дружбы «Италия — СССР». Вечер учащихся курсов русского языка.

«Зал замер. Итальянка Джованна де Ванченцо, студентка юридического факультета, на русском языке читает горьковскую «Песню о Буревестнике». Немного волнуется, чуть-чуть дрожит голос, некоторые слова выговаривает с трудом. Но от этого немеркнущие горьковские строки звучат еще проникновеннее. И когда она произносит... фразу: «Пусть сильнее грянет буря!» — зал буквально тонет в овациях»¹².

Это впечатления наших туристов, побывавших в Италии. А сколько в мире таких курсов, какое мировое признание завоевал ныне язык великого Горького!

О многих произведениях мировой литературы мы знаем лишь, что они существуют, что они напечатаны, что их читали, их читают. Но как именно? Какое действие на умы и сердца производят созданные художником слова образы? Как они участвуют в жизни людей, помогают ли им жить, побуждают ли к действию, вносят ли свою долю в великий процесс изменения, совершенствования общества? Это хотелось бы знать, когда берешь в руки книгу. И есть произведения, «биография» которых богато документирована, — не унесло время свидетельства их воздействия, запечатленные в архивных и печатных материалах. И еще живее, человечнее становится история произведения, когда она «персонифицирована» — когда до нас доходят голоса людей, взявших себе художественное творение писателя в спутники жизни и борьбы. Такова история «Песни».

В формировании горьковского образа Буревестника известную долю, как мы видели вначале, внесла зарубежная литературная традиция. Этот образ-символ, обогащенный революционным духом русского народа, приобрел мировое значение.

Гордо реет над океанами и материками наш Буревестник. Завидная, неповторимая судьба!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Крылатая песнь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 25. ² Там же. Т. 25. С. 112. ³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 311. ⁴ Семья Заломовых. М., 1956. С. 182.

«Весенние мелодии»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 366. ² Революционный путь Горького. М.; Л., 1933. С. 42. ³ Там же. С. 51. ⁴ М. Горький в воспоминаниях нижегородцев. Горький, 1968. С. 6—7. ⁵ Там же. С. 157. ⁶ Морачевский Н. Я. «Весенние мелодии» (К истории текста) // В кн.: М. Горький. Материалы и исследования. Л., 1934. Т. 1. С. 440—457; Горький М. Полн. собр. соч.: Варианты к художественным произведениям. М., 1975. Т. 2. С. 167—171. ⁷ Известия. 1928. 8 апр. ⁸ Каторга и ссылка. 1927. Кн. 35. С. 69—70. ⁹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 30. С. 219—220. ¹⁰ Центр гос. ист. архив г. Москвы (ЦГИАМ), ф. 31, оп. 3, д. 2192, Журналы заседаний Моск. ценз. комитета, № 28, л. 62—63. См. также комментарии В. Н. Чувакова в кн.: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 88 /Лит. наследство. Т. 72. ¹¹ ЦГИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2192, л. 62. ¹² Там же, оп. 2, д. 467. ¹³ Лит. наследство. Т. 72. С. 88.

«Между тучами и морем...»

¹ Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.; Л., 1929. С. 243. ² Цит. по кн.: Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей. М.; Л., 1948. С. 331. ³ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 15. С. 17. ⁴ Шпильгаген Ф. Один в поле не воин. СПб., 1895. С. 219. ⁵ Центр гос. ист. архив СССР (ЦГИА СССР),

ф. 776, оп. 8, д. 978, л. 95. ⁶ Жовтис А. Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 122. ⁷ М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968. С. 325. ⁸ Проблемы идейно-художественных ценностей. Саратов, 1976. С. 84. ⁹ См., напр.: Микитенко П. М. Разрешение проблемы соответствия художественной формы содержанию: Об отборе языковых средств в «Песне о Буревестнике» А. М. Горького // Уч. зап. Астраханск. пед. ин-та. 1953. Т. 3. ¹⁰ М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1941. Вып. 3. С. 231. ¹¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 28. С. 163. ¹² Центр гос. архив Октябрьской революции, высш. органов гос. власти и органов гос. упр. СССР, (ЦГАОР), ф. 102, д. 13, ч. 17, л. 33—34.

Смелым запрет — не помеха

¹ Стенограмма, цит. по комментарию И. А. Ревякиной. См.: Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения в 25-ти т. М., 1970. Т. 5. С. 556. ² ЦГИАМ, ф. 131, оп. 67, д. 302, т. 2, л. 7. ³ См.: Керимова А. В. Студенческий сборник 1901 года // Уч. зап. Горьковск. пед. ин-та. 1963. Вып. 42. ⁴ Архив А. М. Горького, ХПГ (Худож. произведения Горького), 5—2—4; см. также: Описание рукописей М. Горького, М.; Л., 1936. С. 22. ⁵ Центр гос. архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 140, оп. 1, д. 40; Архив А. М. Горького, ХПГ, 5—2—10 и 5—2—12; см. также: Описание рукописей А. М. Горького. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 38. ⁶ Горький М. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 6. С. 531—532. ⁷ Архив А. М. Горького, ХПГ, 5—2—16. ⁸ Даты жизни и деятельности А. М. Горького // Красный архив. 1936. № 5. С. 45. ⁹ Там же, с. 48. ¹⁰ Архив А. М. Горького, ХПГ, 5—2—16; см. также: Известия, 1940. 28 марта. ¹¹ ХПГ, 5—2—13. ¹² ХПГ, 5—2—10. ¹³ ХПГ, 5—2—5. ¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 134. ¹⁵ Там же, д. 491. ¹⁶ Там же, ф. 1542, оп. 1, д. 10. ¹⁷ ИРЛИ, ф. 231, № 241. ¹⁸ Отдел рукописей ГПБ, ф. 163. ¹⁹ Алексей Максимович Горький: Статьи и документы. Саратов, 1937. ²⁰ Гос. архив Астраханск. обл. (ГААО), ф. 286, оп. 1, д. 366, л. 85—89. ²¹ Бляхин П. На рассвете. М., 1963. С. 92. ²² Красный

архив. 1936. № 5. С. 49. ²³ Там же. С. 52. ²⁴ Бейсов П. Свободное слово бессмертно. Саратов, 1966. С. 86. ²⁵ ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 274, оп. 1, д. 582, л. 169. ²⁶ Там же, ф. 419, оп. 1, д. 3067, л. 110. ²⁷ Там же, д. 2897, л. 21. ²⁸ Там же, д. 3005, л. 15. ²⁹ Там же, ф. 336, оп. 1, д. 114, л. 30. ³⁰ ЦГАОР, ф. 102, УП, д. 174, л. 53. ³¹ Пиксанов Н. К. Гражданская патетика раннего Горького в юношеском восприятии // Русская литература. 1968. № 3. С. 234. ³² ЦГИАМ, ф. 131, оп. 67, д. 302, т. 1, л. 54; т. 2, л. 7.

Кто и когда назвал Горького Буревестником?

¹ «Правда» о Горьком. М., 1932. С. 122. ² Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1939. Сб. 8. С. 96. ³ Красный архив. 1925. № 5. С. 170. ⁴ Революционный путь Горького. С. 51. ⁵ Литературное наследство. Т. 72. С. 85. ⁶ Там же. С. 87. ⁷ Южная правда (Николаев). 1968. 21 марта. ⁸ Гиголов Г. Не по заслугам честь // Литературная газета. 1970. 5 авг. ⁹ М. Горький и вопросы литературных жанров. Горький, 1978. С. 129—140. ¹⁰ Брем А. Э. Иллюстрированное издание «Жизнь животных» в 10-ти томах. СПб., 1894. Т. 6. Птицы. С. 201. Из этого же издания Филиппов взял эпиграф для статьи (с. 205). ¹¹ Объявление приплетено к экземпляру «Русского обозрения», имеющемуся в ГПБ.

С типографского станка

¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 8, д. 772, л. 202. ² М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1941. Вып. 3. С. 412. ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 217, 223. ⁴ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М., 1959. Т. 6. С. 454. ⁵ Горький М. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 6. С. 452. ⁶ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, д. 568, л. 23. ⁷ Там же, оп. 13, д. 398. ⁸ Красный архив. 1936. № 5. С. 52. ⁹ Архив А. М. Горького. М., 1955. Т. 5. С. 112. ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 7, д. 59, л. 1. ¹¹ ЦГИАМ, ф. 31, оп. 2, д. 952. ¹² Революционный путь Горького. С. 9.

Читательские признания, боевой порыв

¹ См.: Забурдаев Н. Козмодемьянские гусли // Волга. 1981. № 9. С. 190. ² См.: М. Горький в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1928. С. 164. ³ Вопросы литературы. 1966. № 3. С. 172. ⁴ Бонч-Бруевич В. Максим Горький и молодежь // Нижегородская коммуна. 1928. 18 марта. ⁵ Литературная газета. 1932. 23 сент. ⁶ Там же. ⁷ Рабочий край. 1928. 25 марта. ⁸ Молодая гвардия (Курск). 1938. 28 марта. ⁹ Волгарь. 1904. 24 дек. ¹⁰ Закужнюк А. Вечер рассказа. М., 1984. С. 240. ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 337—338. ¹² См.: М. Горький в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1928. С. 34. ¹³ Макаренко А. С. Собр. соч. М., 1971. Т. 5. С. 377—378. ¹⁴ Григорьев Б., Кутьев В. Боец и летописец революции (о. Е. М. Ярославском). М., 1960. С. 17. ¹⁵ Революционная поэзия (1890—1917). Л., 1954. С. 355. ¹⁶ Орлов М. Офицерский переполох // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1928. № 8. С. 53—54. ¹⁷ Клейнборт Л. М. Русский читатель-рабочий. Л., 1925. С. 132. ¹⁸ Раннее утро. 1914. 9 фев.

«Буревестник» в музыке

¹ ЦГИА СССР, ф. 177, оп. 25, д. 1293. ² ЦГИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2195, л. 38. ³ Дрейден С. Музыка — революции. М., 1981. С. 254. ⁴ Архив А. М. Горького. М., 1955. Т. 5. С. 130. ⁵ Ходотов Н. Н. Близкое-далекое. М; Л., 1962. С. 167. ⁶ Горьковские чтения. М., 1964. С. 236. ⁷ Мельников М. Автор музыки к «Песне о Буревестнике» // Неман. 1962. № 3. С. 158; Мелодия «Песни о Буревестнике» // Неделя. 1980. № 33. С. 24. ⁸ Бялик Б. Горький в борьбе с театральной реакцией. М.; Л., 1938. С. 163. ⁹ Бялик Б. Проза Горького на сцене // Горьковский альманах, год 1946. М., 1948. С. 257.

Слово Горького братским народам

¹ Пархоменко М. Горький і Західна Україна. Львів, 1946. С. 55—56. ² Цит. по кн.: Пархоменко М. Иван Франко

и русская литература. М., 1950. С. 186. ³ Колесник Ю. А. Произведения А. М. Горького на Буковине XX века // Уч. зап. Черновицк. ун-та. Черновцы, 1961. Т. 49. С. 93—94. ⁴ Бойко І. З. Українські літературні альманахи і збірники XIX — початку XX ст. Київ, 1967. С. 144, 233. ⁵ См.: Пиксанов Н. К. Горький и национальные литературы. М., 1946. С. 81. ⁶ Горький и Армения. Ереван, 1968. С. 175. ⁷ Спандарян С. Статьи, письма, документы. Ереван, 1940. С. 96. ⁸ Пирадов Б. На рубеже. М. Горький в Грузии накануне революции 1905 года. Тбилиси, 1975. С. 180. ⁹ Гвенетадзе Г. Максим Горький и грузинская литературная мысль в начале XX века. Тбилиси, 1961. С. 172. ¹⁰ Имедадзе В. Горький в Грузии. Тбилиси, 1958. С. 145. ¹¹ Ариф М. Горький в Азербайджане // Горьковские чтения. 1947—1948. М., 1949. С. 475. ¹² Andresen N. Maksim Gorki ja Eesta // Looming. 1959. № 7. ¹³ Горький и литература народов Советского Союза. Ереван, 1970. С. 210. ¹⁴ См.: Вавере В. А., Мацков Г. М. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965. С. 223. ¹⁵ Горький и Якутия. Якутск, 1968. С. 11.

Через барьеры государственных границ

¹ Maxim Gorki in Deutschland: Bibliographie 1899 bis 1965. Berlin, 1968. ² Архив А. М. Горького. М., 1960. Т. 8. С. 172. ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 239. ⁴ Красный архив. 1936. № 5. ⁵ М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 215. ⁶ ЦГИА СССР, с. 779. рапорты 1911 г., № 4411. ⁷ Gorki en France: Bibliographie de 1899 à 1939. Paris, 1968. ⁸ Горький. М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 28, С. 262. ⁹ М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 446—447. ¹⁰ См.: Русская литература. 1983. № 3. С. 170. ¹¹ Kjetsaa G. Maxim Gorkij i Norge. Oslo, 1975; Nag M. Gorkij i Norge. Sarpsborg, 1983. ¹² Kjetsaa G. M. Gorkij i Norge. P. 13. ¹³ Бродская С. Я. О деятельности М. Горького в Америке в 1905 году // В кн.: М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., 1957. С. 399. ¹⁴ Русская литература. 1968. № 2. С. 215. ¹⁵ Любарская А. Американский буреветник // Иностран-

ная литература. 1977. № 11; ее же. Горас Тробел: Слава и забвение. Л., 1980. ¹⁶ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 24. С. 48—49. ¹⁷ Рехо К. Наследие Горького и японская литература // В кн.: М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968. С. 20. ¹⁸ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 29. С. 153.

В свершениях Октября, в делах Отчизны

¹ ГААО, ф. 1025, оп. 1, д. 59, л. 31. ² Коммунист (Астрахань). 1919. 24 сент. ³ Литературно-художественный сборник Астраханского кружка рабочих-писателей. Астрахань, 1919. С. 5. ⁴ Новый мир. 1978. № 3. С. 254. ⁵ Вопросы литературы. 1977. № 9. С. 40. ⁶ Цит. по кн.: Вавере В. А., Мацков Г. М. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965. С. 352. ⁷ Литературная газета. 1978. 29 марта. ⁸ Южная правда. 1968. 12 марта. ⁹ Толстяков Г. Называется сборник «Мстители» // Книжное обозрение. 1978. № 20. С. 16.

Путь — в эпос, в ораторию

¹ Русские художественные промыслы. М., 1965. С. 130—131. ² Гусин И. Л. Евгений Карлович Тикоцкий. М.; Л., 1965. С. 12—13. ³ Соболева Г. Оратория «Путь Октября» // Вечерняя Москва. 1984. 25 окт. ⁴ Егорова Т. Воспитание добротой // Там же. 1984. 18 сент.

Пафос «Буревестника» — всему миру

¹ Османова Г. Г. М. Горький и литература Ирана. М., 1961. С. 24. ² Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае, М., 1977. С. 191. ³ Алексеев В. М. Горький в Китае // В кн.: М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968. С. 322. ⁴ Кассис В. Б., Овчинников В. В. Горький в Китае // Известия АН СССР, отд. литер. и языка. 1950. т. 9. вып. 4. С. 318. ⁵ Там же. ⁶ Иностранная литература.

1984. № 3. С. 234. ⁷ Съветската литература в България. София, 1964. Т. 2. С. 290. ⁸ Там же. С. 233. ⁹ Andreis J., Cvetko D., Durič—Klajn S. Historijski razvoj muzičke kulture u Jugoslaviji. Zagreb, 1962. S. 695—696. ¹⁰ Платиус Х. Когда высвечивается перспектива // Вопросы литературы. 1977. № 9. С. 172—173. ¹¹ Советская культура. 1984. 28 июня. ¹² Петерсен А. Советико! Дружба!: Встречи в пути // Ровесник. 1963. № 10. С. 14.

Ценные материалы сообщили автору очерка А. В. Храбровицкий (Москва), Г. А. Толстяков (Москва), Густав Цвенгрош (Львов), Ева Нердих (Штральзунд, ГДР), Мартин Наг (Осло), Центр. гос. ист. архив СССР в г. Киеве, Библиотека им. Кирилла и Мефодия (София). Им и другим лицам и учреждениям, помогавшим в работе, автор выражает свою признательность.

СОДЕРЖАНИЕ

- М. Горький. Весенние мелодии. Фантазия* — 7
- М. Горький. Песня о Буревестнике* — 20
- Н. С. Травушкин. Песня о Буревестнике, ее пафос, ее мир.*
Историко-литературный очерк — 30
- Крылатая песнь — 31
- «Весенние мелодии» — 36
- «Между тучами и морем» — 50
- Смелым запрет — не помеха — 65
- Кто и когда назвал Горького Буревестником? — 82
- С типографского станка — 92
- Читательские признания, боевой порыв — 104
- «Буревестник» в музыке — 117
- Слово Горького братским народам — 122
- Через барьеры государственных границ — 138
- В свершениях Октября, в делах Отчизны — 152
- Путь — в эпос, в ораторию — 165
- Пафос «Буревестника» — всему миру — 173
- Литературные и архивные источники — 184

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ

С о с т а в и т е л ь

Николай Сергеевич Травушкин

Редактор И. В. СИДОРОВА

Худож. редактор В. В. КРЕМЕНЕЦКИЙ

Техн. редактор Г. В. СТАЧЕВА

Корректор В. В. КАРЯКИН

ИБ № 1656

Сдано в набор 18.06.86. Подписано к печати 21.05.87. МЦ 00323. Формат $70 \times 100^1/_{64}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 4,67. Усл. кр.-отт. 7,8. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4709. Цена 1 р. 70 к.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда» 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

MEMORIA O BAMBINO
CORCIBAR